

НАЦИЯ

Роман

*Вячеслав
Гришанов*

Вячеслав И. Гришанов

Нация. Апокалипсис. Том 4

Серия «Нация», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74187356
Нация (Роман). Апокалипсис. Том четвёртый (в трёх частях) /
Гришанов В. И.: Перо; Москва; 2026
ISBN 978-5-00270-772-0*

Аннотация

Вячеслав Гришанов (род. 02.06.1954) – поэт, писатель, художник.

В четвёртом томе романа «Нация» под названием «Восставшие из пепла. Армагеддон» автор показывает борьбу русской нации за свой суверенитет, свободу и справедливость.

Пытаясь отстоять однополярный мир, англосаксы, при поддержке НАТО, прибегают к различным методам, вплоть до развязывания войны на территории Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики.

Это столкновение становится не просто схваткой между Западом и Востоком, а битвой между добром и злом.

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	17
Глава III	37
Глава IV	67
Глава V	82
Глава VI	95
Глава VII	110
Глава VIII	126
Глава IX	132
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Вячеслав Гришанов

Нация. Апокалипсис.

Том четвёртый

*«Свет во тьме светит, и тьма не объяла его».
Евангелие от Иоанна (Ин. 1:5)*

*«Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы –
сердца людей».
Ф. М. Достоевский*

© Гришанов В. И., 2026

Часть первая

Глава I

Закончился 2006-й год. Хорошее и плохое, сладкое и горькое прошедшего года России было традиционно положено в папку и отправлено в архив истории, чтобы всё содержимое стало не только свидетелем прошлого, но и учителем для будущей жизни.

Новый 2007-й год наступил в суматохе непредсказуемых политических, экономических и социальных явлений, не суля, по сути, ничего хорошего – ни народу, ни стране. Связующая нить между государством и обществом становилась всё хрупче и тоньше, нарушая законы соотнесения. Непоследовательность и половинчатость так называемых «реформ» сделали своё дело: вся система жизнеобеспечения оказалась в таком упадке, что на её реанимацию требовались десятилетия. Не было такого дня, чтобы на территории России (с 70 процентами прежней территории и 55 процентами населения от СССР) не совершались диверсии, террористические акты, вооруженные конфликты и убийства. И это неполный перечень всех тех многочисленных действий, что совершали западные спецслужбы на территории России против непокорного русского народа. Справившись с демонтажем «им-

перии зла», они никак не могли уgomониться, разрабатывая всё новые и новые планы для уничтожения, теперь уже, России. Их действия проявлялись не только в экономических и политических кознях, но и в том, чтобы расчлениить Россию на мелкие территории, которыми бы они могли легко управлять. От необратимого угасания в стране наблюдались не только хаос и неразбериха, но и разрушение всех основ государственности с навязыванием чуждых установок и правил. Всё напоминало фильм ужасов, в котором на каждом шагу подстерегали опасности и всевозможные риски.

Видя, что делается в России, простые люди говорили: «Нам бы день простоять, да ночь продержаться...» И это были не просто слова, а крик души, вырывавшийся у каждого человека, обречённого не только на беспрецедентную бедность, но и отсутствие всякой перспективы на дальнейшую жизнь. И в этом просматривался какой-то магический круг, неотвратимый закон, висающий как дамоклов меч над Россией вот уже несколько столетий.

Заключённая в объятиях Америки и Европы Россия, при участии группы российских либералов, называющих себя «реформаторами», превращалась в полуколониальную страну, где понятия добра и зла были поставлены с ног на голову. Вместо привычных традиционных ценностей в стране стали использовать парадоксы и коварство европейцев, называя чёрное белым, а белое чёрным. Честность, порядочность, совесть, патриотизм, любовь к Отечеству – нор-

мы, записанные в памяти природы как основы человеческой жизни, – стали для русских людей чуждыми. Наши добродетели высмеивали на каждом углу. Вместо них насаждались хамство, наглость, ложь, обман, пьянство, наркомания, садомазохизм, животный страх друг перед другом и беззастенчивость. Особенно успешно это внедрялось в учебных заведениях. Не жалея на это денег, западные кураторы смело разлагали и развращали молодое поколение, делая из них наркоманов, шпионов и космополитов, мотивируя это тем, что подрастающему поколению нужно входить в цивилизованное европейское общество.

Чиновники от образования без глубокого анализа и понимания, механически принимали подобные установки западных кураторов для исполнения. Органы власти ни о какой целесообразности, ни о какой просвещённости народа уже не думали. Все бездействовали, ни на что уже не надеясь. А если кто-то на что-то и надеялся, то только на то, чтобы Америка переставила статую Свободы на пустое место на площади Дзержинского. Ко всей этой вакханалии добавлялась беспрецедентная информационная программа, разработанная американскими и английскими специалистами в стенах ЦРУ и МИ-6. Цель этой программы была одна: превратить русский народ из великанов в лилипутов, ростом в какие-нибудь два вершка. И это у них получилось. Получилось потому, что русский народ, по доброте своей, сознательно пустил козла в огород, забыв историю Гомера про троянского коня, где

было сказано: «Бойтесь данайцев, дары приносящих». Отдав себя в рабство собственным иллюзиям, русская нация оказалась хуже дикарей, став вне общества, вне семьи и вне морали. Вместо того, чтобы противостоять врагу, все дружно ринулись в объятия США, допустив к своим кладовым не только крупнейшие финансовые структуры Америки, но и транснациональные корпорации Западной Европы. Используя русское гостеприимство, американцы и европейцы бессовестно превращали Россию в авгиевы конюшни. На фоне этого грандиозного беспорядка они не просто начали править балом, а начали «писать» новый портрет России, утверждая при этом, что они имеют на это полное право, поскольку мир теперь принадлежит США. А если это так, то они будут не только хозяевами на территориях бывшего Советского Союза, но и уничтожат всех оставшихся союзников советской эпохи.

Оценивать «работу» западных спецслужб русскому народу было не до того: убегая от себя, от своей культуры, духовности и семейных ценностей, люди вереницей заспешили на Запад, к «великому семейству человеческого рода». Не имея ясного представления о том, что на самом деле правильно, а что нет, не различая, кто хороший, а кто плохой, россияне, словно под психологическим воздействием, бросились туда, откуда «пахло деньгами». Видя, что делается в стране, умудрённые жизнью люди говорили: «Братья, обманывать – это имидж Америки. Просите, пока не поздно, чтобы

Господь наставил вас на одну-единственную истину – истину спасения. Отказываясь от духовных и нравственных принципов, вы становитесь заложниками иудейско-сатанинской цивилизации, где не будет больше места не только незыблемым нравственным и духовным основам, но и христианским заповедям». Но в этом экстазе никто не хотел уже слышать ни про какие истины, ни про какие духовные и нравственные принципы. «Россией должны править люди богатые и благородного происхождения, – заявляли американские чиновники, сидя в кремлёвских кабинетах. – Если русские не смогли достичь желаемого, то желаемого достигнем мы! А это значит, что мы будем управлять на территории России не только действиями и убеждениями, но и своими методами, манипулируя социальной средой к собственной выгоде». В Европе тоже не молчали:

«Если русские не сумели дойти до цивилизованного общества сами, – говорили многие европейские политики, – то к цивилизации поведём их мы, оставляя себе все привилегии».

Слушая американцев и европейцев, русский народ, со свойственным ему преклонением перед Западом, кинулся в объятия «новых учителей» жизни, где дух алчности и стяжательства переходил все границы человеческой морали. Бесовская культура уже не способствовала изощрению русских умов. Людей обуяла новая, бесплодная доктрина, в которой человек уже ничего не значит. От этой «доктрины» поступки

людей становились не просто бесчеловечными, а варварскими, лишенными всего, что было свойственно русским людям на протяжении длительного исторического развития.

Кинувшись в мир «золотого тельца», россияне теряли не только разум, но и ориентиры в пространстве, устремившись прямо в ад. В этом погребальном шествии, где важным было только одно — деньги, не было никаких шансов на моральную реабилитацию. Желание обогатиться ломало русских людей, превращая их в жалких рабов. Под этим воздействием человек искажался и разлагался, превращаясь не только в объект потребления и товар, но и в человека-зверя. Всё это напоминало заразную болезнь, от которой не было спасения. Сознание честных людей было не в силе справиться с тем, что вдалбливала система, приоритетными факторами для которой служили следующие задачи: воровать, растлевать, подкупать, искажать, ломать, убивать. То небольшое пространство, что оставалось для человека от этих «задач», заполнялось мерзостью и глупостью телевизионных программ. В этих показах самые инфантильные объяснения принимались на веру, а глубокие и очевидные истины подвергались насмешкам. Порнография, сквернословие, разврат и распущенность стали основой нового прогрессивного воспитания, что вело к деградации и извращению человеческой природы, потере внутренней свободы, памяти и культуры. Россия столкнулась с агонией нации, порабощением нормальных людей извращёнными методами, об-

ладающими животной хитростью. Под этим воздействием внутреннее пространство человека-труженика уменьшалось с каждым днём. Человек терял всё, что мы называли человечностью и гуманизмом.

Но этого американским политикам было мало. «Чтобы стать «цивилизованным» государством, – говорили они, – для России недостаточно освежающих осадков и рыхления земли, её нужно пересадить в большее число горшочков, в которых народы России могли бы подконтрольно существовать, принося выгоду западному миру».

Такой подход к России превосходил все глубины шекспировского воображения. Но только не Белого дома. Желая окончательно завладеть Россией, они продолжали убаюкивать общественное мнение европейцев терминологической игрой. «Игра» преследовала две задачи. Первая задача: перевоспитать всех россиян и всех европейцев в духе американской цивилизации, как самой лучшей и самой сильной, по их мнению, на планете Земля. Обосновывая это тем, что россияне слишком жестоки и коварны, а европейцы – слишком сентиментальны.

Вторая задача: натравить, после «перевоспитания», европейцев и россиян друг на друга, чтобы они не только рассорились, но и взялись за оружие, убивая друг друга. Этими планами американцы всячески хотели сохранить центр геополитического влияния не только в Европе, но и в мире. Американцев страшно пугала дружба Европы и России, при-

чём пугала со дня основания Америки, понимая, что это может привести к раздвоению коллективного Запада, а значит – к снижению влияния США.

В этот «кипящий котёл» американцы потянули и бывшие советские республики. Американские политики прекрасно понимали, что русские не потерпят рядом с собой государство, где всё пропитано русофобией и ненавистью к русскому народу. На эту роль максимально подходила Украина с её мафиозным форматом и националистическим прошлым. Американцы рассуждали просто: «У вышедших из одного корня и переплетённых кровными и семейными ветвями конфликт славянских народов будет неизбежен. Он гарантирован самим временем, надо лишь приложить к этому наши руки. И мы это сделаем». И это были не просто слова, а нечто большее – глобальное коварство, получившее в американском мире не только интеллектуальное развитие, но и ставшее доктриной. Одним словом, вместо того, чтобы жить, как все страны, основываясь на чётких моральных установках с ясным пониманием добра и зла, Белый дом устремился к мировому лидерству, создавая один центр власти, один центр силы.

Лидеры многих стран мира, особенно в арабских странах, прекрасно понимали, что, потеряв в холодной войне один из основных противовесов – Советский Союз, – человеческая цивилизация пошла вразнос, игнорируя и нарушая все нормы и правила. Они понимали и тот факт, что, поссорив Ев-

ропу с Россией, американцы принесут на европейский континент не плоды, а настоящий ад, в котором погибнут миллионы людей. С Европой и Россией они поступят так же, как поступили в своё время с индейскими племенами, истребив всех до единого, – а это более ста миллионов человек. «Если мы не сможем сообща остановить эту дьявольскую страну, вмещающуюся во внутренние дела других государств для создания конфликтных ситуаций и проведения цветных революций, – говорили лидеры арабских стран, Азии, Африки и Латинской Америки, – то кто же сможет это сделать? Была надежда на Россию, но она, не успев оправиться от перестроек и прочих реформ, сама находится в зависимости от американского империализма. Как нам быть? Как нам спастись от этой олигархической касты «хозяев» мира? Где тот человек, который бросит вызов глобализму и либерализму, уничтожающим все идеалы идентичности?»

Осознавая всю серьёзность положения России на карте мира, российские политики, обладающие чувством национальной безопасности (а такие ещё были), прекрасно понимали, что идти на компромиссы с Америкой и Европой, заключать с ними договоры или соглашения, касающиеся мирного существования, – бесполезно. Поскольку приходится иметь дело не просто с буржуазным миром, а с самим дьяволом. Вся дипломатия которого основывается не на уважении и не на порядочности, а на искусстве обмана, лицемерии и создании западни, масштабы которых не снились даже мо-

льеровскому герою – Тартюфу.

Ни для кого не секрет, что под все соглашения и договоры они ловко подстраивают «лазейки», размывающие в нужный для них момент всё, что было достигнуто и подписано. «Если придерживаться их «дипломатии», – говорили думающие люди, – то от России, в скором времени, вообще ничего не останется. Хватит того, что российский народ потерял из-за них одну треть страны. Хватит того, что народ России вовлечён в изощрённую потребительскую схему, принадлежащую глобальной финансовой системе. Мы не хотим больше видеть представителей американских спецслужб в кремлёвских кабинетах, которые у нас под носом регулируют потоки финансового капитала влиятельных масонских организаций, таких как Бильдербергский клуб, Трёхсторонняя комиссия, Совет по международным отношениям, Международный валютный фонд, Всемирный банк и т. д. Эти организации не развивают, а закабаляют Россию, ставя её не только на грань банкротства, но и на грань полного уничтожения как самостоятельного государства. Нужно положить этому конец».

Надо признать, русский народ сам вымостил себе дорогу в ад. Но это вовсе не значит, что он не готов исправлять ошибки. Многие люди, понимая всю опасность сложившейся ситуации, говорили: «Если покаяться, то Господь придёт и обязательно спасёт нас, грешников». Кто-то говорил иначе: «Да, покаяться нужно, но этого недостаточно, нужно, чтобы русский народ вступил в противостояние с западным злом. И не

просто вступил, но и открыто, честно сказал не только себе, но и всему западному миру простое, самое очевидное из возможных, сложных и причудливых выражений: всё, хватит, довольно! Наелись и напились вашего западного дерьма. Анти-Россия закончилась! Власти дьявола и ложной цивилизации, которая управляется образованными варварами, мы говорим – нет! Углубляться в либерализм, подражая постмодернистской культуре, мы больше не будем. Мы – русские! У нас свой путь развития, а потому уничтожить Россию мы вам не дадим. Россия была, есть и будет всегда суверенной. И берегитесь начинать против нас что-либо, ибо на начинающего – Бог!»

Но к этим словам, к великому сожалению, мало кто отнёсся серьёзно. Особенно в Америке и Европе. Более того, услышав эти слова, они в очередной раз посмеялись над русским человеком, зная, что ни о какой суверенности не может идти и речи. Русский народ покорён, и Россия полностью находится под контролем американских и западных спецслужб. Американская «исключительность» никогда не допустит возврата России к прежней системе. Для нынешнего мира характерна только одна система – однополярная. И другой не будет, чтобы русские ни говорили и ни делали.

«Основной, существенный смысл европейских событий начала нынешнего столетия, – писал в своё время Лев Толстой, – есть воинственное движение масс европейских наро-

дов с запада на восток и потом с востока на запад.

Первым зачинщиком этого движения было движение с запада на восток. Для того, чтобы народы запада могли совершить то воинственное движение до Москвы, которое они совершали, необходимо было: 1) чтобы они сложились в воинственную группу такой величины, которая была бы в состоянии вынести столкновение с воинственной группой востока; 2) чтобы они отрешились от всех установившихся преданий и привычек и 3) чтобы, совершая своё воинственное движение, они имели во главе своей человека, который, и для себя и для них, мог бы оправдывать имеющиеся совершиться обманы, грабежи и убийства, которые сопутствовали этому движению»¹.

Эти слова, написанные более ста лет назад русским писателем Львом Толстым, вновь наводили на размышления.

¹ Том 6, стр. 255

Глава II

Первая декада февраля 2007 года выдалась для президента России Владимира Путина очень напряжённой. И это были не просто слова: как человек деятельный и ограниченно-свободный, он отдавался работе полностью, прекрасно понимая всю ответственность перед страной и народом. Особенно когда было важно не допустить ни экономического, ни политического, ни стратегического краха страны. В этом плане он хорошо помнил слова Сенеки: «Великая судьба – великое рабство».

В последнее время ему действительно приходилось много работать, порой до самого утра. Именно так произошло – в ночь с восьмого на девятое февраля – в резиденции Ново-Огарёво. Многие служащие, приближённые к президенту, не удивлялись этому факту, понимая, какой большой груз ответственности лежит на нём. Причём не только за те дела, что происходят в стране, но и в мире.

Сидя за рабочим столом, Путин внимательно вычитывал текст доклада уже который час, с которым он должен выступить через день – десятого февраля – на представительной конференции в Мюнхене, где соберутся политики, военные, предприниматели, эксперты из более чем сорока стран мира по вопросам политики и безопасности.

Невысокого роста, спортивно сложенный, с симпатичным

и открытым лицом, он не чувствовал никакого одиночества и усталости, поскольку думал в этот момент не о своём благополучии, а о России, о будущем русского народа. О том, что пришло время заняться укреплением нашей суверенной цивилизации, бросив вызов глобализму и либерализму, где главными игроками становятся уже не государства, а гигантские корпорации, для которых важно лишь одно – доступ к новым рынкам, чтобы использовать в своих целях самый дешёвый труд, не неся при этом никаких социальных обязательств перед гражданами.

На столе, кроме доклада и конспективного плана, где давалось краткое резюме фундаментальных изменений, произошедших в течение последних десяти лет беспрецедентного американского первенства, – ничего лишнего не было. Это золотое правило он усвоил ещё со времен Советского Союза, когда служил в КГБ.

Когда Путин читал текст, ему не всё в нём нравилось, особенно то, что касалось будущего России и всего мира в свете глобальных перемен, вызванных поражением Советского Союза в холодной войне. Когда предательство коммунистической элиты СССР привело к тектоническому разлому всей мировой системы. В докладе, написанном его помощниками, он не ощутил той магической силы, которая была бы способна вызвать новые представления и образы новой системы, способной изменить мир к лучшему. Ему хотелось, чтобы в каждом слове было не только много пространства, но и что-

бы каждое слово было необъятно – как мысль, у которой нет предела.

Доклад, как он считал, должен был не просто произвести впечатление на слушателей, а стать поворотным моментом в российской внешней политике, боевым кличем от имени всего русского народа против однополярного мира, который не стал лучше, а стал хуже и примитивнее по своим побуждениям, где больше хаоса, чем порядка.

Вглядываясь в каждую букву, каждое слово, он хотел услышать в них не просто звуки, а почувствовать силу, ибо им предстояло не только откликнуться на окружающий мир, но и изменить его в лучшую сторону, выдвигая на первый план поиски общечеловеческих, моральных, политических и идеологических ценностей, – но всего этого, к сожалению, в докладе отражено не было. Другой бы глава государства расстроился, начал бить кулаками по столу со словами: «Уволю сегодня же этих тупиц и бездельников!» – но Путин остался спокоен и предельно собран. Он понимал, что, кроме него самого, эту тему вряд ли кто-то раскроет, поскольку говорить о ней – значит окунуться с головой, как алхимику, в нечто новое и неизведанное, о чём ещё никто и никогда не говорил.

Прежде чем вносить свои правки и мысли в доклад, он старался произнести каждое слово, каждую фразу движением гортани, языка и губ – как это делали многие мудрецы, когда в поисках истины останавливались в пути, чтобы выбить

на придорожных камнях свои мысли. Временами он прерывался, сосредотачивался и вновь брался за ручку... «Считаю, – читал он, глядя на текст, – для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов, а потому, что сама модель является неработающей, так как в основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации».

Не дочитав текст, он вдруг откинул голову на спинку кресла и, о чём-то задумавшись, закрыл глаза. Глядя на него со стороны, можно было подумать что угодно: устал, измучен, что ни о какой дальнейшей работе в данный момент не может быть и речи, – но эти мысли были обманчивы.

«Так уж получилось исторически, – размышлял он, не открывая глаза, – что мы, русские, со своей грамматикой оказались среди языков мира в меньшинстве. На конференции меня будут слушать представители многих стран, где в языках отсутствуют роды, падежи, глагольные времена и виды, где даже не проводится различия между родами одушевлённых и неодушевлённых существ. Я уже не говорю про ударения и построение предложений. Да и скрытый контекст эти люди не понимают, особенно англоязычные представители. Не знаю, поймут ли они меня? Поймут ли они русский язык, раздвигающий все пределы, сообщающий ему не толь-

ко гибкость, но и передающий тончайшие ощущения и оттенки мысли? Не зря ведь его использовали для своих произведений величайшие умы, придавая ему не только силу, но и ценность, весомость и изобилие, называя великим, могучим русским языком! К великому сожалению, сегодняшняя Америка и Европа напичканы малообразованными неоконсерваторами и русофобами, деятельность которых давно уже стала иллюстрацией максимальной репрессивности в современном западном мире. И эту «планку» они не думают снижать, а напротив – повышают, затягивая в свои сети себе подобных «политиков», чья политическая жизнь пронизана мошенничеством, коррупцией, воровством и антироссийскими настроениями. Причём, политика сдерживания и ослабления России является для них первостепенной и долгосрочной стратегической задачей – вот и думай, до понимания ли им нас, русских?»

Открыв глаза и положив руки на стол, он хотел было встать, но что-то заставило его передумать. В какой-то момент он улыбнулся и подумал: «А может, не нужно никакого доклада? Если лидеры западных стран в действительности обладают крайне слабыми умственными способностями, то какой смысл мне метать стрелы? Может, мне донести до них информацию в виде рисунка, как это делали в доисторические времена скифы?»

В этот момент Путин вспомнил повествование Геродота о том, как скифы прислали письмо царю Дарию с изображе-

нием птицы, мыши, лягушки и пяти стрел, что означало: если персы не умеют летать как птицы, прятаться в земле как мыши, перепрыгивать через болота как лягушки, то скифы перебьют их своими стрелами.

«А что, неплохая идея! – с некой иронией подумал он. – Нарисуем каких-нибудь пресмыкающихся, вместо стрел – ракеты, отошлём по почте и пусть они разгадывают своими безмозглыми головами эту шараду... И ехать никуда мне не надо. На крайний случай, можно, конечно, употребить для передачи данных и другие средства связи, например: шнур с узелками или палку с определённым числом зарубок (что означает в первом и во втором случае количество ракет). Ладно, не будем их сильно напрягать, а то совсем обидятся на нас.

Если серьёзно говорить о западных политиках – а мне придётся всё же о них сказать, – то они не такие уж и глупые. Когда мы, русские, принимали интересы Европы, совершенно нам чуждые, и с достоинством приносили жертвы на алтарь, то европейцы всё понимали без всяких слов. Это было не только в 1799 году, во второй коалиционной войне против Франции, когда Суворов разбил в пух и прах в Северной Италии французские армии Макдональда и Моро, а русский флот под командованием Ушакова освободил от французов Ионические острова, но и в XIX веке, когда за интересы Европы, особенно Германии, гибли сотни тысяч русских людей. Я уже не говорю о XX веке, когда русский народ осво-

бодил всю Европу от фашизма, потеряв двадцать семь миллионов человек. Хорошее, как известно, быстро забывается. В этом плане, как показывает история, европейцы всегда были слабы в памяти. А кто слаб в памяти, тому, как известно, нельзя доверять. К тому же, являясь средоточием энергии, власти и разрушительной силы, европейцы никогда не умели чувствовать, так как всегда были наблюдателями, а наблюдатели не имеют ничего общего с реальностью. Они живут в другом мире, не оставляя после себя ничего, кроме разрушений. В общем, как бы там ни было, подстраиваться ни под кого я не буду: скажу на конференции всё, что думаю о проблемах международной безопасности, то, что должно стать необратимым процессом. Если мои рассуждения покажутся всем присутствующим излишне полемически заострёнными либо неточными, то пусть не обижаются – это ведь только конференция. Хотя, конечно, я заранее знаю, что мои слова вызовут шквал эмоций. Кто-то даже посчитает меня сумасшедшим. Ради бога, пусть считает. Пусть думают, что хотят, но я остужу их горячие головы... Если они привыкли считать себя самыми умными, самыми развитыми и самыми богатыми, то это всего лишь шаблон, вывеска, за которыми мы видим только одно: это один центр власти, одна сила, один центр принятия решений. Это мир одного хозяина, одного суверена. Моя задача – сказать всему миру, что эта система не жизнеспособна, что мы, великие цивилизации, отвергаем раз и навсегда гегемонию антихристианского Запада.

да, так как считаем их идеологию ненормальным явлением, противоречащим законам природы. Их формула – «если не с нами, то против нас» – должна кануть в Лету. На мировую сцену должны выйти государства Азии – как центры экономической и политической силы. Всё это, конечно, дело будущего, а сегодня мне нужно спасти страну. Пришло время, когда Россия должна стать не объектом, а субъектом международной политики и истории. Все, что исходит от Запада – зло, извращение, вырождение, упадок, прямой сатанизм, – это не наш путь развития. Наш путь развития – это многополярный мир, где главным принципом будет являться суверенитет. Настало время, когда балу вампиров нужно сказать: «Stop, enough is enough»². Вы перешли все красные линии, а потому всей этой развращённости должен быть положен конец. И я сделаю для этого всё, что от меня зависит. Если они думают, что мы умерли, превратились в пепел, то они сильно ошибаются... Как ни мягок русский человек, в основе его находится крепкое твёрдое ядро, которое ещё никому не удавалось растолочь, не размолотить... Придёт время, и мы потребуем не только свои права, но и свои земли».

На этих словах Путин вновь закрыл глаза и, не шевелясь, замер... В этот момент его можно было сравнить разве что со скалой: исполненный величия, он был вполне конкретен, а вот о чём продолжал думать, понять было сложно.

«Всё, хватит рассуждать: в девять утра я должен быть в

² Стоп, этого достаточно. Терпение лопнуло, (англ.).

Кремле, – подумал он, закрывая папку с докладом. – В самолёте кое-что ещё подкорректирую».

Резко встав из-за стола и не прибегая более к каким-то красочным сравнениям и историческим образам, он сладко потянулся, сделал несколько круговых движений головой, руками (как он это обычно делает в спортивном зале перед тренировкой по дзюдо) и направился к выходу. Но какая-то мысль заставила его остановиться на полпути.

Постояв пару секунд в задумчивости, он развернулся и медленным шагом подошёл к окну. Отодвинув штору, он посмотрел в сторону освещённой аллеи, по обеим сторонам которой росли вековые сосны, и подумал: «Поймут – не поймут, да чёрт с ними... Почему этот вопрос должен меня волновать? Мы никогда не понимали жизненную философию друг друга. С чего это вдруг они должны понять меня?

Особенно сейчас, когда им по-прежнему не хватает русского языка, а нам – европейского. К великому сожалению, в нашей природе слишком много крайностей, отсюда и высокий уровень конфронтации. Думаю, что это размежевание нам не преодолеть никогда. А это значит, что нам очень трудно будет заниматься исключительно политикой. На этом фоне сдерживающим фактором между нами может выступать только сила оружия. А вот с оружием у нас пока проблемы, причём очень большие. Практически нужно начинать всё с нуля... Сделать это, конечно, будет непросто. Ох как непросто, но другого выхода, к великому сожалению, нет: без силы

оружия мы не сможем вернуть себе не только утраченный авторитет, но и свою независимость. Остановить Америку с её глобализацией и «дружеской» демократией будет тяжело. Но это не должно нас останавливать. К сожалению, на сегодняшний день нет ни одного уголка в мире, где бы ни присутствовали их войска. Всё, что у них есть, захвачено силой. У Испании была захвачена Флорида; у Мексики – огромная территория Техаса, Новой Мексики и Северной Калифорнии; у Англии они отняли Орегон; устроили революцию на Гавайях; вторглись на Кубу, Филиппины и в Китай; развязали войну во Вьетнаме, разбой в Лаосе. Я не говорю уже про Латинскую Америку, где после них не оставалось ничего живого – уничтожили всё огнём и мечом. Вооружённое насилие стало для американцев национальной эпидемией. Они и дня не могут прожить без проведения карательно-террористических экспедиций. Советского Союза, к сожалению, больше нет, а значит, нет и соперника, который мог бы остановить эту дьявольскую страну. Я прекрасно понимаю, что со всем этим нужно бороться и выжигать калёным железом, но существующие правила игры в демократию таковы, что нужны не только время и свобода, но и независимость. Ни того, ни другого у нас пока нет. А НАТО тем временем тихим сапом «Drang nach Osten»³, под всякими предлогами и «флагами»,

³ Drang nach Osten (нем.) – букв. «натиск на Восток»). Термин употреблялся в кайзеровской Германии в XIX веке и позже в нацистской пропаганде для обозначения немецкой экспансии на Восток.

подходит к нашим границам. Конечно, будет справедливо, если каждый россиянин спросит меня:

«А куда вы смотрели, товарищ президент, будучи главой государства все эти семь лет?» Дело в том, что это решение было принято США не сегодня и не вчера, и даже не семь лет назад, – а в 1994 году, когда президент Клинтон официально подписал соглашение о расширении НАТО на Грузию и Украину.

И это было не просто одноразовое действие, а долгосрочный проект США. Сегодня, к сожалению, мы имеем то, что имеем: НАТО стоит у наших границ, чтобы делать то, что они любят делать – воевать. Но не своими руками, а руками наёмников. Не скрою: для нас это серьёзный провоцирующий фактор, который снижает уровень взаимного доверия между нашими странами. Конечно, мы делаем сейчас всё, чтобы этот процесс остановить. Другое дело, насколько у нас это получается. Во всяком случае, мы откровенно спросили у США: против кого это расширение? И что стало с теми заверениями, которые давались западными партнёрами после роспуска Варшавского договора, что НАТО не продвинется ни на дюйм на восток? И что мы от них слышим: «Никаких заверений не существует, – говорят они. – Их не было и нет, потому что нет никаких подписанных договоров». Получается, всё, что обещал Генеральный секретарь НАТО господин Вернер в Брюсселе семнадцатого мая 1990 года Горбачёву – в плане безопасности и твёрдых гарантий не расширять

НАТО, – есть не что иное, как блеф. Хочется сразу спросить: господа хорошие, где же ваш «блеск европейской культуры, где ваша хвалёная дипломатия», если ваши слова ничего не стоят? После Горбачёва обманули Ельцина... Причём обманули жестоко...

Если говорить честно, то я не могу себе представить, как это могло случиться. Да, я понимаю – это предательство, но его не могло бы быть, если бы правильно функционировала политико-правовая система государства: Конституция, Верховный суд, система «сдержек и противовесов», регулирующая деятельность государственного механизма, и многие другие институты, что обеспечивают безопасность страны. Если произошло то, что произошло, то, значит, вся система государственного устройства страны была не просто несовершенной, она была с серьёзным дефектом, через который наши враги нашли лазейку... Да что там говорить: я сам возглавлял ФСБ, и что? Меня на выстрел не подпускали к Ельцину с информацией, которая касалась безопасности страны... Причём эта информация была от внешней разведки, утверждавшей, что в ближайшие годы Америка намерена создать на Украине плацдарм для нападения на Россию. Но достучаться до Ельцина было невозможно. Все, как сговорившись, мне говорили: «Он всё знает, не волнуйтесь». В результате вместо дружбы и союзничества НАТО не только расширялось, но и продолжает расширяться. Ещё лет пять, и они начнут нас гнуть и ломать так, что мало покажется...

А нам эти неприятности не нужны. Как нам выстоять в этой борьбе, я пока не знаю, но нужно что-то предпринимать... Ох и наломали мы дров, ох и наломали... Не понимаю, зачем я согласился на эту должность. Хотя что теперь скажешь. Тут как в той пословице: взялся за гуж, не говори, что не дюж. Теперь надо идти до конца, до полной победы! Предвижу, путь будет тяжёлым, но мы это сделаем. Как это сделали в своё время наши отцы, деды и прадеды. Исправлять ошибки, конечно, сложнее, но перекладывать все проблемы страны на плечи наших детей и внуков мы не должны ни при каких обстоятельствах. Нужно сделать всё возможное и невозможное, чтобы Россия обрела статус свободного и независимого государства уже в ближайшие годы. Сделать это, конечно, будет крайне сложно, но жить по американским правилам, где общественно-политическая система представляет собой ни что иное, как крайнюю форму тоталитаризма, мы больше не будем. Первое, что мы сделаем для этого, — положим конец однополярному миру. Терпеть оскорбления, угрозы и пренебрежительное отношение к России как президент страны я больше не намерен. Конечно, все мои заявления на конференции расценят как вызов, но другого выхода я не вижу...»

Размышляя о текущей ситуации в мире, и в особенности об Америке, Путин сильнее всего раздражался не из-за того, что американцы имеют самую современную армию, а из-за того, что они не считаются с Россией, думая, что она «до-

живает свой век». А потому с ней можно не церемониться, делая абсолютно всё, что они считают выгодным для себя. Эти планы касались не только расширения НАТО, но и разработки плана стратегии национальной безопасности, по которому США в одностороннем порядке (в июне 2002 г.) вышли из договора по ПРО и начали монтаж противоракетной системы в новых странах – членах НАТО. Данная система ПРО по периметру РФ должна «обнулить» всю мощь ракетных войск стратегического назначения (РВСН) России, хотя существующие двусторонние обязательства, имевшие международное значение, запрещали это делать, поскольку они являлись «краеугольным камнем стратегической стабильности и безопасности России».

«Что мне больше всего не нравится, – стоя у окна, продолжал анализировать Путин, – подмяв под себя Россию, опустошив её богатейшие закрома, США повели себя как колонизаторы. О равном общении, как это было при Советском Союзе, они не ведут уже и речи, считая нас страной третьего мира. Если они думают, что их географическое расположение в центре громадного континента, изолированного от остального мира, даёт им преимущество не опасаться какой-либо угрозы извне, то они очень сильно ошибаются – ядерное оружие у нас всё же есть. Если они и дальше будут продолжать создавать угрозу у границ России, то нам придётся в одностороннем порядке начать демонтаж всей договорно-правовой системы ядерного сдерживания. Посмот-

рим, как они заговорят».

Отойдя от окна, Путин сделал несколько шагов и, подойдя к столу, вновь сел в кресло. Несмотря на позднее время, он чувствовал, что какая-то сила не отпускает его из кабинета, а что именно — он не мог понять.

«Конечно, — подумал он, — что бы я ни сказал на конференции, одного моего желания недостаточно. Во-первых, важность момента состоит в том, что мне нужно привлечь для этой работы большое число думающих и энергичных людей, которые, в свою очередь, привлекут других талантливых специалистов, обладающих должным уровнем знаний для успешной управленческой деятельности. Нужна не просто команда, нужна «элита», у которой зубы были бы острее, чем у самых зубастых акул Запада.

К сожалению, отлаженной системы и отработанных методов поиска таких людей сегодня нет. Вся структура управления страной уничтожена. Остался только искусственно созданный олигархически-административный аппарат, безропотно выполняющий заказы семей своих хозяев. По сути, нужно начинать всё с нуля, а это значит, что в этом вопросе я буду уязвим. Когда я соглашался на руководство страной, рассчитывать на что-то другое было глупо, поскольку прекрасно осознавал, куда иду, — в ельцинское окружение, в самый центр криминальных кланов и противоборствующих групп, которые рвали страну на части много лет; где всё было выстроено не на профессионализме, а на личных сим-

патиях и силовых методах. Деяния правящей олигархии, не подотчётной народу, зашкаливали, воплощаясь в культ силы и презрения к суверенитету и национальному достоинству других народов России. Всё это – следствие бездарной Конституции, которая была написана в 1993 году на коленках для одного человека – Ельцина, позволившей создать фантастическую по концентрации власти систему управления. Для достижения своих целей они приняли на вооружение единственный метод работы: ломать всех через колено. Самым ужасным в этой истории было то, что олигархическая власть использовала для своих корыстных целей следственное управление ФСБ, превратив его в бандитскую структуру. Шкурничество, набивание карманов деньгами, жажда наслаждений, лицемерие, воровство, убийства – все эти страсти так прочно вошли в сознание этих людей, что превзошли, наверное, самого Аль Капоне. С такими людьми, конечно, никакого демократического государства нам не построить. Тут, как говорится, и к бабке не ходи. По-хорошему, если рассуждать трезво, этих воров, жуликов и предателей пересажать бы мне сейчас, но, учитывая тот факт, что их много, то никаких тюрем не хватит. Пусть даже и хватит... Ну, пересажая я этих горе-чиновников, а кто работать будет?

Хорошо уже то, что они мне присягнули... Это даёт мне время, не спеша, найти правильное решение. Разбираться с ними я буду позже, когда вокруг меня будет надёжный тыл. А пока пусть работают под моим присмотром. Менять их

на «тёмных лошадок», думаю, нет смысла. К этому вопросу нужно подходить вдумчиво и не спеша, как в той пословице: семь раз отмерь, а один раз отрежь. Я говорю это к тому, что в этом вопросе без своих бывших коллег по КГБ я не обойдусь. Да и многих специалистов из ГРУ придётся подтянуть... Хотя сделать это будет непросто, ох как непросто... Многие из них не только погрязли в сообществе таких же честолюбцев, которые только и грезят о мире вещественном да о гигантских спекуляциях, но и обладают совершенно другим менталитетом, мышлением, где нет уже места основам нравственности, морали, исторической памяти и традициям. Какие из них помощники... Да, как же быстро люди превращаются в чудовищ... И виновата в этом, к сожалению, власть. Ох уж эта власть... Сколько невинных людей она загубила... Ведь если подумать, то за какие-то семьдесят лет русский народ три раза менял цивилизацию. Причём власть не только заставляла людей отказываться от своих убеждений, но и заново переписывала историю... Всё это было бы смешно, если бы не было так грустно. Как бы там ни было, но кадровый вопрос мне надо будет решать уже в ближайшее время... Любое игнорирование этого вопроса может губительно сказаться на управлении страной».

На этих словах он задумался. При этом его лицо не выдавало никаких признаков волнения и тревоги.

«Но команда – это ещё не всё, – неожиданно подумал он, выявляя для себя из какой-то таинственной кладовой самые

нужные и важные слова. – Необходимо, чтобы наши мысли, свобода и энергия были подчинены идее, и чтобы эту идею поддерживали люди; и не просто поддерживали – пошли за ней. А чтобы люди пошли за идеей, нужно быть во главе народа. Я уже семь лет у власти, и что? Что я сделал? Что я могу дать людям на сегодняшний день? Ничего. Я уже который год бьюсь за природные ресурсы, которые отошли Америке по принятому в декабре 1995 года «Соглашению о разделе продукции», но, увы, всё по-прежнему: «Сени косые, а люди босые». В этой запутанной истории сам чёрт не разберётся. К тому же, не все олигархи меня поддерживают в этом вопросе, так как сумели обзавестись не только большими связями с Западом, но и приобрести огромную недвижимость за рубежом. Используя эти инструменты, американцы всячески распространяют свои правила на этих людей, чтобы те отстаивали интересы не только американских корпораций, но и суть их политики. Тут выход только один: как бы тяжело нам ни было, необходимо не только изгнать вампиров-иностранных, но и закрыть за ними границу, пока они не пустили глубокие корни. Хватит терпеть их колонизацию и смотреть на то, что они делают в стране».

Сидя в кресле, он сосредоточенно размышлял над будущим великой страны, над её возрождением.

«В этой ситуации, – подумал он, – самое главное – не терять рассудок, не поддаваться гневу и слепой ярости от неистовости обвинений в свой адрес. Если я имею дело с

людьми жестокими и хитрыми, то нужно говорить с ними как можно меньше, а если всё же придётся говорить, то нужно говорить такое, чего они меньше всего ожидают. Пока они думают, что да как, мне нужно двигаться вперёд, чтобы всё заработало в стране как следует. Мало-помалу нам нужно возродить из пепла всё то, что было уничтожено, разорено и сожжено. Одним словом, нам нужно предстать перед Богом в прежнем своём виде, другого выбора у нас нет, иначе нас уничтожат и глазом не моргнут. Та власть, что есть у меня сегодня, мало что значит без финансов, поэтому нужно будет полностью сосредоточиться на этом механизме... Без денег меня никто не воспримет всерьёз – ни в России, ни за рубежом. Я знаю: англосаксы считают меня слабым и безвольным руководителем, по крайней мере сейчас, делая в России всё что угодно. Ну уж нет, господа: с этим мы будем заканчивать. Начнём с малого, а там уж как пойдёт... Главное – ввязаться в драку. В любом случае, с внутренними проблемами мы разберемся быстро, а что касается проблем геополитических, то и с ними придётся повозиться, но другого выхода пока я не вижу. Конечно, если начать разбираться сейчас во всей этой трагической истории, приведшей к геополитической катастрофе (а время рано или поздно заставит нас с этим разбираться), то это приведёт нас в область острых противоречий. Мне бы не хотелось сейчас этого делать, мы только накалим этим и без того сложную ситуацию в стране. И потом: нам мало разобраться, нам нужно вник-

нужно и понять, что произошло с нами на самом деле. А этот процесс, как я понимаю, потребует времени. Да, как же много предстоит работы, но ничего не поделаешь, надо учиться добиваться всего самим, а не ждать «добрых» дядей. Как же были правы наши деды и прадеды, когда говорили: «Сынки, помните: свои сухари всегда лучше, чем пироги от чужих людей». К великому сожалению, мы не прислушались к этим советам. Теперь пожинаем то, что посеяли. Сейчас очень важно одно: чтобы мне поверил народ, народ, который я буду защищать всем сердцем, всей душой, до последнего вздоха. Я не просто обязан сформулировать своё отношение к этому катастрофическому процессу, но и остановить его. Время пришло. Всякие попытки заставить меня сдаться, изменить свою позицию в этом вопросе, ни к чему не приведут – это бесполезное занятие».

Встав с кресла и выключив свет, Путин вышел из своего рабочего кабинета.

Часы показывали 4:45 утра.

Глава III

Поздним вечером 14 февраля Егор Сомов и его восьмилетний сын Ярослав сели в фирменный поезд «Мегаполис», следовавший по маршруту Москва – Санкт-Петербург.

Пройдя по коридору, они подошли к своему купе и, открыв дверь, увидели сидящего на нижнем правом диване мужчину лет сорока пяти. Крепкого телосложения, одетый в костюм хаки, он читал газету. Лицо его было напряжено и озабочено, но не настолько, чтобы не замечать вокруг себя людей.

– Добрый вечер! – чуть слышно сказал Сомов, глядя на попутчика.

– Добрый вечер! – опустив газету на колени, доброжелательно ответил мужчина.

Внимательно осмотревшись, Егор снял куртку и, повесив её на крючок у двери, сел на диван. Ярослав тут же последовал примеру отца: сняв куртку и повесив её на крючок, он сел за столик и, достав из кармана электронную мини-игрушку, стал нажимать на клавиши, извлекая разные пищащие звуки, чем вызвал раздражение отца.

– Ярослав, уже поздно. Сделай звук потише.

Ничего не сказав, Ярослав тут же убавил звук.

– Не помешаю, если посижу на вашем месте? – пристально поглядев на соседа, спросил мужчина.

– Нет, нет, сидите! – тут же ответил Сомов. – Не помешаете.

– До Петербурга? – глядя на Сомова, спросил мужчина.

– Да. А вы?

– До Твери.

– Очень красивый город! – не замедлил сказать Егор.

– Приходилось бывать?

– Да, приходилось. А вы в первый раз туда едете?

– Да.

– В гости?

– В командировку.

– Ясно. Скоро будете на месте, здесь недалеко. Если будет время, то обязательно посмотрите город.

– Спасибо, постараюсь, – улыбнувшись, сказал мужчина. – А вам приходилось бывать в этом городе?

– Да, бываем иногда...

– Любите путешествовать?

– Да как вам сказать... В этом городе живёт и служит мой друг детства, так что иногда навещаемся к нему в гости.

– Служит в армии?

Сомов улыбнулся и сказал:

– Служил когда-то. А сейчас он служит Богу...

– Священник, значит.

– Да.

– Священничество я всегда сравниваю с подвигом, – задумавшись, сказал мужчина. – Этому, как правило, всегда

предшествует непростая судьба человека.

– Возможно, не знаю. У каждого человека своя судьба, – глядя на мужчину, сказал Сомов. – Наши пути разошлись давно, когда он вернулся из Афганистана, вернулся инвалидом.

– Воевал в Афганистане?

– Да, воевал... Офицер ВВС.

Качнув головой, мужчина ничего не сказал, но по его глазам можно было прочесть, что он не только многое понял в поступке офицера, но и ждал от своего попутчика дальнейшего разговора на эту тему. Уловив этот тонкий момент, Сомов сказал:

– Что интересно, ничего особенного в свойствах его души я не видел... Война, как я понимаю, сказала своё слово, раз он поменял военную форму на священническую рясу. Сегодня он отец Максимилиан. Служит в одном из храмов города Твери.

– Хорошее имя у вашего друга.

– Да, мне тоже нравится.

Сказав эти слова, Егор откинул голову на спинку дивана и, закрыв глаза, предался воспоминаниям. Он вспомнил Тверь с её многочисленными соборами и храмами... Особенно нравился ему кафедральный собор Воскресения Словущего, в котором они не раз побывали с Ритой и Ярославом. Причём этот храм буквально стоял у него перед глазами, отчего даже сердце застучало сильнее. «Интересно, к чему бы

это? – подумал он, пытаясь осмыслить происходящее. – Я никогда так не думал об этом храме, как сейчас, вот чудеса!

Размышляя, Егор хорошо помнил, что этот храм понравился им не только своим скромным убранством, но и ещё одним важным достоинством: построенный в стиле «арт-деко», он был пронизан не только светом и воздухом, но и наполнен каким-то врубелевским духом, от которого не только сжималось сердце, но и появлялась вера в духовную силу, способную освобождать от ложных представлений о мире и комплексов. От этого божественного чуда мир уже не казался, а представлял, в буквальном смысле этого слова, гармоничным и обновлённым.

«Во всяком случае, – подумал он в этот момент, – после посещения этого храма часть проблем, пусть на время, но всегда отступала. Да и как могло быть иначе, если они видели своими глазами, как паломники, стекавшиеся со всей России, становились перед храмом на колени, целуя его пороги. А кто-то даже плакал от умиления. Такое могло происходить только по одной причине: в этом храме люди находили потребность не только в утешении, не только в правде, но и в некой гармонии, которая обновляла их сознание. А что может быть важнее этих святых догм в жизни?» – заключил он.

– Пап, – проговорил Ярослав, прервав мысли отца, – а давай позвоним маме?

– Уже поздно, сынок. Утром позвоним.

Отвлекаясь от чтения газеты, мужчина часто смотрел в тёмное окно вагона, словно пытался увидеть за стеклом, в крошечной темноте, что-то важное для себя, что помогло бы ему разобраться в чём-то очень сложном и неоднозначном. В какой-то момент, глядя на Сомова, он вдруг спросил:

– Извините, вы сказали, что бывали в Твери? А можно спросить?

– Что именно?

– У вас есть в городе любимые места?

Не ожидая такого вопроса, Сомов даже растерялся, но, собравшись с мыслями, сказал:

– Да как вам сказать... В основном мы с женой любим посещать храмы, церкви, часовни... Например, любим бывать в Воскресенском кафедральном соборе Белой Троицы. Он, кстати, один из древнейших каменных тверских храмов. Освящён, дай бог памяти, в 1564 году. Храм знаменит тем, что в нём пребывает великая, чудотворная святыня – рака с мощами святого преподобного Макария Калязинского... Любим бывать также в церкви Святой Богородицы. Одним словом, куда бы мы ни зашли, после этого, знаете, так легко на душе... Складывается такое ощущение, что когда бываешь в этих культовых сооружениях, время если не останавливается, то обязательно замедляется в его все уничтожающем беге.

– Как хорошо вы сказали, – глядя на Сомова, сказал мужчина. – Я уже не раз это слышал...

– А почему вы поинтересовались?

– Да это я так... чисто для себя. Своего рода самооборона.

– Извините, это как?

– Между людьми, знаете, всегда есть разница во взглядах на то или иное явление. Хотелось бы понять, насколько я далёк от истины.

– Но я ведь тоже могу ошибаться: одно дело нравиться мне, а другое дело – другим людям, – глядя на попутчика, проговорил Сомов.

– Вы правы. Но такой приём в любом случае заставляет человека глубоко задуматься, выбрать, что называется, из самого себя, чтобы найти точки соприкосновения или, наоборот, не находя ничего родственного. В этом сравнении, как мне кажется, есть какая-то удивительность. Во всяком случае, такой подход больше сулит откровений, чем печать одного мнения. Короче говоря: две мысли, два мнения исключают шаблонность.

– М-да, согласен, – сказал Сомов, сделав при этом удивлённое лицо, и, не лишая себя мысли, тут же подумал: «Какой интересный приём! Никогда не думал об этом».

Видя добросердечное расположение попутчика, Сомов решил познакомиться с мужчиной.

– Егор, – протягивая руку, проговорил Сомов.

– Александр.

– Очень приятно.

– А вас как зовут, молодой человек? – спросил Александр,

обращаясь к мальчику.

– Ярослав, – не отводя глаз от игрушки, сказал мальчик и тут же, обращаясь к отцу, спросил: – Папа, а мы будем пить чай?

– Что, проголодался? – глядя на сына, спросил Егор.

– Да, пап, очень.

В этот момент поезд дёрнулся, и вагон тихо покатился по рельсам, поскрипывая при малейшем движении.

– Ну вот и поехали, – тихо сказал Егор, устремив свой взгляд в тёмное окно купе. – Утром будем дома.

– Мама, наверное, уже ждёт нас, да?

– Конечно. Возьми полотенце и сходи в туалет помыть руки. А я пока достану тебе что-нибудь покушать. Бутерброд с колбасой будешь?

– С колбасой и с сыром.

– Что ещё?

– Чай, – выходя из купе, проговорил Ярослав.

– Хорошо.

Не теряя времени, Сомов нагнулся и, пододвинув к себе дорожную сумку, начал доставать из неё содержимое.

– Ну и дела, – неожиданно проговорил Александр, вновь погрузившись в чтение газеты. – Даже не знаю, что и думать.

– Прочитали что-то «жареное».

– Да тут, знаете ли, похлеще будет.

– Интересно, я думал, что нынче уже ничем нельзя удивить читателя: столько всего опубликовано, что голова кру-

ГОМ.

– Всё так, но здесь совершенно о другом.

– Любопытно, и о чём же.

– Читаю речь Путина на конференции в Германии.

– В Германии! – не скрывая своего удивления, спросил

Сомов. – И что он там делает?

– Участвует в конференции мировых лидеров.

– Даже так. Интересно. И когда это было?

– Да пару дней назад, кажется... Да, точно: 10 февраля.

– Я, если честно, уже не слежу за всеми этими политическими событиями, – глядя на Александра, сказал Сомов. – Толку от них никаких...

– Да я тоже не особо, так, когда в дороге.

– Любопытно! И что же он там сказал интересного?

– Сказал всем западным геополитикам, что никакого однопольного миропорядка больше не будет. Я даже процитирую его слова: «Время управлять другими странами закончилось», – сказал он.

– Да ладно! Что, так и сказал? – с нескрываемым удивлением спросил Сомов.

– Да, так и сказал. Послушайте дальше: «Считаю, что для современного мира однопольная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна...». Ну, и дальше в таком же духе.

– М-да, сильно сказано, очень сильно, – с удивлением проговорил Сомов.

И, помолчав пару секунд, сказал:

– Это насколько же нужно быть уверенным и знающим человеком, чтобы так правдиво сказать.

– А какой смысл говорить ему полуправду, если она для них ничего не стоит! Если уж говорить, то так, чтобы пробрало как следует! Тем более, что за словами в карман он не лезет... Как человек хладнокровный, уверенный в себе, он всегда говорит по делу и легко. Иногда достаточно его взгляда, чтобы другие поняли многое.

– Да, хотел бы я видеть реакцию этих господ после слов нашего президента, – задумчиво проговорил Сомов. – Впрочем, для этих людей что правда, что полуправда – всё об стенку горох. А всё оттого, что американцы, что европейцы, не умеют мыслить здраво; не могут отказаться от своей гордыни, алчности и русофобии. Они думают, что если победили в холодной войне, то им всё можно. Ничего, будет и на нашей улице праздник.

– Это точно! Тут я с вами согласен, – погружаясь в статью, проговорил Александр.

– Размышляя над словами Путина, – сказал Егор, – я всё же удивляюсь его смелости. При нашем положении, знаете ли, это удивительно.

– Если говорить по большому счёту, – сказал Александр, – то здесь нет ничего удивительного.

– Вы так считаете?

– Конечно. У природы на этот счёт, как вы хорошо зна-

ете, есть свои законы: рано или поздно в этом противоречивом мире обязательно рождаются необыкновенные люди, способные менять картину существующего мира.

– Вы хотите сказать, что Путин и есть тот самый необыкновенный человек? – глядя на собеседника удивлёнными глазами, спросил Сомов.

– Ну что вы, я это не утверждаю. Я лишь говорю о том, что те слова, которые Путин произнёс, под силу только сильному и самостоятельному человеку, который много знает, много повидал и, следовательно, готов поведать о многом. Я уверен, что его изящный строй речи, вольная пышность стиля, сжатость и чёткость фраз не оставили в зале никого равнодушными, поскольку его речь была обращена против тех, кто правит миром. Такие люди не появляются на этот свет без божьей помощи.

Задумавшись, Сомов ничего не ответил. Но это молчание продолжалось недолго.

– Поживём – увидим, – глубоко вздохнув, сказал он. – Во всяком случае, как бы мы ни относились к таким людям, будь они трижды гениальными, сказать без них что-то новое, причём не только в политике, но и в других областях, практически невозможно. Путин, хотим мы этого или нет, сказал то, что думает, и сказал, подобно оратору, очень громко – на весь мир!

– Вот и я о том же, – глядя на Сомова, задумчиво сказал Александр. – На мой взгляд, смысл этого выступления, его

оригинальность состоит не в том, чтобы запугать наших врагов, а в том, чтобы намекнуть: «Ребята, давайте жить дружно. Если нам есть что делить, то давайте подойдём к этому вопросу цивилизованно...»

Слушая Александра, Сомов подумал:

«Вероятнее всего, никаких явных причин намекать американцам и европейцам на что-либо у Путина не было. Скорее всего, это был крик души, который неотразимо повлёк его к чему-то важному. Возможно, что он продемонстрировал перед западным миром свою порядочность и искренность, сказав, что он честный человек и ожидает от западных лидеров того же самого. Возможно, на этой конференции он исходил из простой истины, которая говорит о том, что каждый на ней присутствующий – неважно, правитель он, политик или бизнесмен, – прежде всего человек! И не просто человек, а человек разумный, которого должна беспокоить судьба не только своей страны, но и всего мира. Путин открыто и честно всем сказал, что государство, которое хочет обезопасить себя, свою свободу, не должно искать себе врагов, ибо, найдя их, оно создаёт прецедент, который коснётся его самого».

Сомов и дальше бы развивал свою мысль, если бы не слова Александра.

– Ничего, ничего, – неожиданно сказал он, – пусть эти западные вояки знают русских, а то слишком обрадовались своей победе... «Холодный душ» им не повредит. Да и мо-

мент хороший: там же собрались не только политики, военные, но и богатейшие люди планеты из более чем сорока стран мира. А это ого-го! Глядишь, может, нам инвестиции кое-какие перепадут, мало ли! Мы же не будем стоять всю жизнь с протянутой рукой, надо что-то делать в стране... Хотя, если честно сказать, этих немцев и прочих англосаксов только могила исправит. У них своя философия, и менять они её не будут. Нужно быть слишком наивным человеком, чтобы им верить.

– Всё верно, – сухо проговорил Сомов. – Для них важны одни приоритеты, а для нас – другие. Нас ничто не объединяет, ничто нас не роднит. Мы как были им врагами сотни лет, так и остаёмся. Во всяком случае, друзей они в нас не видят. А если не видят, то и мы тоже не должны перед ними прогибаться. Хватит того, что они сделали с Россией... Я думаю, после такой речи Путина русский народ должен пробудиться, встать на защиту своей страны. Сейчас именно такой момент.

– Русский народ всегда был народом Империи, – глядя на Егора, сказал Александр. – Если вспомнить историю, то после падения Константинополя, который пал сначала духовно, изменив православие, а потом и физически, захваченный турками, миссия православной Империи была перенесена на Святую Русь. Отныне и до конца времён спасителем для всех истинных христиан стала Москва, Третий Рим.

Судя по настроению, Александр и дальше продолжал бы

свою мысль относительно смыслов русской истории, но в это время дверь купе открылась, и вошёл Ярослав.

– Пап, я помыл руки.

– Молодец. Положи полотенце и садись за столик, а я схожу за чаем.

Егор собрался выйти из купе, но в дверь постучали.

– Открыто, заходите, – проговорил Александр.

– Ещё раз добрый вечер! Предъявите, пожалуйста, билеты и паспорта, – заходя в купе, сказала проводница.

Небольшого роста, лет тридцати пяти, с большими чёрными глазами и пшеничными волосами, она невольно заставила обратить на себя внимание взрослую часть мужчин... Переглянувшись и ничего не сказав, Егор и Александр тут же предъявили билеты и паспорта.

– Так, вы у меня до Санкт-Петербурга, – глядя на Сомовых, проговорила проводница, – а вы, Александр Валерьевич, до Твери, значит.

– Ну зачем же так официально, можно просто по имени, – с некой иронией сказал Александр.

– Не положено, – строго сказала проводница.

Молча поставив галочки на билетах и вернув паспорта, она взглянула на Александра и сказала:

– За полчаса до станции я вас разбужу. Счастливого пути!

– Спасибо, – улыбнувшись, сказал Александр. – Вы очень добры.

– Работа у меня такая – быть доброй, – сказала проводни-

да и вышла из купе.

На последние слова девушки Александр и Егор не среагировали, понимая, что работа проводницы действительно не из лёгких, а потому разбрасываться даже приятными словами не нужно, особенно когда человек находится при исполнении.

Вслед за проводницей вышел и Сомов. Вернувшись через пару минут, он поставил стакан чая на стол и, глядя на сына, сказал:

- Смотри, осторожнее: чай очень горячий.
- Хорошо, пап. Я по капельке.
- Молодец!

Во время разговора Егора с сыном Александр встал и, положив газету на верхнюю полку, вышел в коридор.

Съев бутерброды, Ярослав разделся и лёг спать. Некоторое время Егор сидел возле сына и о чём-то с ним говорил, но это продолжалось недолго.

- Всё, давай засыпай, мой хороший, а то уже поздно.

Накрыв одеялом сына, Егор пересел на своё место и о чём-то задумался.

В это время в купе зашел Александр и, быстро сняв обувь, ловко поднялся на верхнюю полку... Не прошло и минуты, как, приподняв голову от подушки и посмотрев в сторону Сомова, он спросил:

- Может, хотите почитать газету?
- Спасибо. С удовольствием! Всё равно спать не хочется.

Взяв газету, Егор тут же начал просматривать колонки.

«А вот и статья, – мысленно проговорил он. – «В субботу, 10 февраля, – читал Сомов, – президент России Владимир Путин выступил с речью на конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене и ответил на вопросы журналистов. В своей речи президент коснулся ряда вопросов международной политики, уделив особое внимание внешнеполитическим амбициям США и системе ПРО этой страны».

Пробегаая глазами один абзац за другим, Сомов остановился на следующих словах: «Мы видим всё большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того – отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединённых Штатов, перешагнули свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере... Ну кому это понравится?»

Читая речь Путина, Сомов обратил внимание и на такие строки:

«Камни и бетонные блоки Берлинской стены давно разошлись на сувениры. Но нельзя забывать, что её падение стало возможным и благодаря историческому выбору, в том числе нашего народа – народа России, выбору в пользу демократии и свободы, открытости и искреннего партнерства со всеми членами большой европейской семьи. Сейчас же нам пытаются навязать уже новые разделительные линии и стены –

пусть виртуальные, но всё-таки разделяющие, разрезающие наш общий континент. Неужели вновь потребуются долгие годы и десятилетия, смена нескольких поколений политиков, чтобы разобрать и демонтировать эти новые стены?»

Размышляя о словах Путина, Сомов положил газету и, глядя в тёмное окно вагона, за которым мерцали лишь звёзды, подумал:

«Странно, мне бы и в голову не пришло, что этот худенький, небольшого роста, ничем не привлекательный человек мог такое сказать. Насколько я знаю, в 90-е годы Путин работал начальником службы безопасности в мэрии Санкт-Петербурга, затем при Ельцине – председателем ФСБ России. В декабре 2000 года, по каким-то личным соображениям, (а может, вовсе и не по личным, кто знает), Ельцин передал ему власть... А если передал, значит, увидел в Путине будущего правителя России, который сможет не просто изменить что-то в лучшую сторону, а спасти страну от дальнейшей колонизации Америки, от всех тех безобразий, что с нами происходят. Так что думать и говорить о нём поспешно и опрометчиво у меня нет никаких оснований. А если так, то о чём ещё можно думать – только о хорошем! Хотя, в политике мало быть хорошим человеком, надо быть системой. А у него пока никакой «системы» не прослеживается. Не знаю, может, я и ошибаюсь... В этой политической «кухне» не разберётся даже сам чёрт. Я помню, когда он выиграл очередные президентские выборы 14 марта 2004 года, люди про него гово-

рили цинично и смешно. Одни говорили: «Эта ворона нам не оборона»; вторые: «Широка дорожка Брошке»; а третьи и вовсе не жалели его, говоря: «Тот же блин, только на блюдечке». А ведь Путин получил тогда больше семидесяти процентов голосов избирателей. Получилось так: сначала люди его выбрали, а потом начали критиковать и давать оценку. Логика, конечно, в этом нет, но у русских по-другому не бывает. 2 марта 2008 года будут новые выборы президента. На третий срок Путину идти нельзя – не позволяет Конституция, значит, будем выбирать другого. Тогда непонятно: зачем на таком международном форуме Путин выдал «на-гора» такое, от чего мировые лидеры ужаснулись? Зачем он всех напугал своим многополярным миром, если самому не придётся реализовывать всё то, о чём говорил? Или в этом есть какая-то стратегическая интрига, о которой мы не знаем? Вот тебе и «безликий» человек!»

Сказав последнее словосочетание, Егору почему-то захотелось разобраться с именем прилагательным «безликий», вспомнить, так сказать, его синтаксические роли. «Из словаря Ожегова, – размышляя, подумал он, – я помню ещё со школьной скамьи, что это слово означает: «лишённый своеобразия, ярких, индивидуальных черт». Тут всё понятно. Синтаксическая роль тоже на слуху: мужской род, единственное число, полная форма, положительная степень, именительный падеж. С этим тоже всё нормально. Тогда почему этим словом люди «наградили» именно Путина? Если бы

он носил маску безликого человека, лишённого индивидуальности, своеобразия и характерных отличительных черт, то он никогда бы не смог сказать то, что сказал, отсидел бы молча два срока в своём кабинете и ушёл с миром. А «безликий, серенький» Путин взял да и сказал, что нет всему тому, что мешает комфортному, независимому проживанию народов на своих территориях. Он против бездушной среды, против однополярного мира... Нет, что бы люди ни говорили, а называть Путина «безликим» человеком нельзя. Такое может сказать только сильный, уверенный в себе человек, который знает, что говорит и что делает. Из всех последних правителей он самый толковый. Во всяком случае, Горбачёву и Ельцину он – полный антагонист. Конечно, он тоже не без грехов, но по его делам видно, что он созидатель, государственный. К тому же лишён мелкого честолюбия и тщеславия, а это о многом говорит. Если говорить по правде, мы ведь все уже думали, что наступил «конец истории» – Америка победила! И однополярному миру нет альтернативы, а Путин на весь мир говорит, что никакого «конца» нет, всё только начинается. Чтобы такое сказать, извините, надо обладать не просто какой-то сверхчеловеческой силой, волей и верой, он должен быть, в первую очередь, в высшей степени порядочным человеком, способным переживать за судьбу России, за её многонациональный народ. Только такой человек мог позволить себе сказать словами Цезаря: «Великие дела надо совершать, а не обдумывать их бесконечно в ка-

бинетах». А это означает: всё, что планировали наши враги, отменяется! Да, ну и дела. Представляю, что сейчас делается в Европе и той же Америке! Пойти против западных воротил, против их правил, против тех, кто ненавидит Россию и жаждет ей смерти, нужно быть не просто гениальным политиком, тут нужно быть бессмертным. Но бессмертных, как мы знаем, не бывает. Тогда кто он: этот незаметный, «серенький» и ничем не проявивший себя человек? Не послужат ли его слова провокацией? Ведь сейчас вся англосаксонская клика забегает, запрыгает, крича на весь мир: «Западу брошена перчатка!» «Снова холодная война!» «Москва снова говорит с позиции силы!» «Рецидив холодной войны!» – и чёрт знает что ещё они будут говорить... А это не только санкции, но и новая гонка вооружений... пойдёт ли всё это на пользу России? Вот в чём вопрос.

Если глубоко разобраться, – продолжал рассуждать Сомов, – то в словах Путина я чувствую больше грусти, чем какой-то надежды. А всё потому, что в большой политике такие вызовы не прощают. Эти слова могут стоять не только ему, но и всем нам очень дорого. Но, с другой стороны, говорить с американцами и европейцами по-другому нельзя. Чтобы России выжить, надо бороться, а не ждать у моря погоды: тут каждый день дорог. В противном случае нас всех ждёт полная колонизация. Если он так поступил, то, как говорится высоким слогом, он не из тех, кто всего опасается, кто дрожит за собственную шкуру. Значит, этот человек не

только смелый, но и благородный; значит, это его судьба», – заключил он.

В какой-то момент его потянуло на сон, но громкий плач маленького ребёнка из соседнего купе заставил открыть глаза. Малышку пытались успокоить, но всё было тщетно: ребёнок продолжал плакать ещё сильнее, сливаясь с ночным перестуком колёс. Не прошло и пары минут, как зашевелился Ярослав. Посмотрев на отца, он тихо спросил:

– Папа, ты не спишь?

– Да вроде задремал, но малыш заплакал, и я проснулся.

– Я тоже проснулся из-за этого.

– Попробуй уснуть, мой хороший.

– Хорошо.

После разговора с отцом, какую бы позу Ярослав ни принимал в постели, уснуть не мог. В какой-то момент, приподняв голову, он тихо сказал:

– Пап.

– Ну, что ещё?

– Я хотел спросить.

– Спрашивай.

– А Бог может ошибаться?

Неожиданный вопрос Ярослава застал Егора врасплох. Не зная, что ответить, он встал с постели и, присев рядом с сыном, сказал:

– Вместо того чтобы спать, ты задаешь ого-го... какие вопросы. Тебе что-то приснилось?

– Не знаю.

– Что значит «не знаю»?

– Я почему-то вспомнил мою учительницу.

– Бог ты мой, какую ещё учительницу?

– Викторию Николаевну и её слова.

– Какие слова.

– Что боженька ошибся и завёл нас в тупик.

Услышав разговор, Александр, лежащий на верхней полке, тут же, повернулся на бок и, склонив голову, удивлённо посмотрел на Ярослава. Об этом говорили в первую очередь его брови: несмотря на тусклый свет, было видно, как они поднимались и изгибались, принимая разные формы удивления. Не скрывая своего интереса, он спросил:

– Наверное, философом хочешь стать, да?

Ярослав посмотрел на мужчину и едва заметно улыбнулся. Вопрос его заинтересовал, но не совсем. Чтобы понять, он спросил:

– А кто это?

Александр растерялся, но собравшись с мыслями сказал:

– Ну, это такой человек, который хочет многое узнать о мире, его законах, разобраться в происходящих процессах...

– Нет, мне это не интересно.

– А что тогда тебе интересно?

– Я хочу быть военным! – гордо ответил Ярослав.

– «Военным»? – удивлённо переспросил мужчина.

– Да, как мой дядя.

– А кто твой дядя?

– Полковник! – делая акцент на суффиксе –ов, произнёс, Ярослав. – Герой России.

– О, тогда другое дело! – сделав удивлённые глаза, сказал Александр, переходя в другое физическое и эмоциональное состояние.

Глядя на то, как мужчина отвернулся и перестал задавать вопросы, Ярослав посмотрел на отца и тихо спросил:

– Папа, а тупик – это что такое?

– Тупик? – удивлённо переспросил Егор, глядя на сына.

– Да.

– Как тебе сказать: у этого слова много значений. К примеру, тупиком может быть улица, не имеющая сквозного хода и проезда; тупиком, также может быть безвыходное положение в жизни человека.

– А это плохо?

– В общем-то, да.

– А как из него выйти?

– Очень просто: нужно вернуться назад и найти свой путь – вот и всё. Главное, чтобы у человека было желание и стремление к этому, а их, как правило, у человека не хватает.

– А почему?

– Сложно сказать. Возможно потому, что человек, по своей природе, очень ленив. А чтобы в человеке присутствовали желание, стремление и многое что ещё хорошее, нужно быть в движении, в поиске развивая в себе как можно боль-

ше положительных качеств.

– Понятно.

– Очень хорошо, что тебе это понятно. А что касается твоего первого вопроса о боженьке, то, насколько я знаю, Бог не ошибается.

– А почему?

– Потому что на нём лежит большая ответственность перед людьми.

– Ответственность за что?

– За те ошибки, которые допускают люди.

– А зачем они их допускают?

– Это очень сложный вопрос. Вот ты, к примеру, допускаешь ошибки?

Не ожидая такого вопроса, Ярослав задумался и сказал:

– Допускаю.

– Вот видишь. Так и взрослые. Если в обществе что-то не так, то Бог приходит и призывает что-то менять, исправлять...

– В лучшую сторону.

– Конечно! Только не всегда это бывает легко.

– Почему?

– Потому что исправлять всегда сложнее и больнее.

– Ясно.

– А если тебе всё ясно, то давай спать. Уже поздно. Вон и малыш перестал плакать, видимо, заснул.

– А почему он плакал?

– Ну откуда я знаю. Всё, спи.

Накрыв одеялом сына, Егор встал и, не отводя взгляда от Ярослава, сел за стол. Глядя на сына, он заулыбался и о чём-то задумался. Судя по его эмоциям, это было связано с какими-то воспоминаниями, для которых всегда есть причины.

«Несмотря на меняющийся мир, отсутствие внешних ценностей, – подумал он, – сын радовал меня всегда, но особенно радовал с того момента, как начал разговаривать. А разговаривать он начал довольно рано. Его первые слова были для меня значимее торжественного гимна. А с каким любопытством он слушал русские народные сказки! Его любопытство не знало границ. Ему всё было интересно! Сейчас то же самое. Но надолго ли? Неожиданный вопрос о Боге, поставил меня в тупик. Я даже не знал, что ответить. Ну и ну! А впрочем, чему я удивляюсь: Ярослав – долгожданный ребёнок, и мы уделяем ему с Ритой максимум внимания, соответствующий уровню нашего образования. Да и генетические корни сильны с обеих сторон, что уж тут говорить. Всё это, конечно, хорошо, но главное не в том, какой он сейчас, а в том, каким он станет в будущем, вот что меня беспокоит!»

В своих размышлениях он вспомнил Запорожскую атомную станцию, где проработал много лет, развод с Натальей... знакомство с Ритой, рождение сына, переезд в Санкт-Петербург, новое место работы и многое другое. От всех этих мыслей кружилась голова. Чтобы не доводить себя до крайнего возбуждения, он вновь прилёг, пытаясь успокоиться и за-

снуть. Но это не помогло. Он вспомнил свою дочку – Лизу, сына – Александра, то, как они росли и кем стали...

«За Лизу, слава Богу, мне бояться не нужно, она у меня молодец, – подумал он. – К тому же она живёт со своей дружной семьёй в России. А вот за Сашку душа болит. Ох как болит. Дай как же ей не болеть, если он остался в Киеве с матерью... Что с ним будет в это непростое время, одному Богу известно. Все его негативные рассуждения о России, многочисленные наколки по всему телу – всё это смахивает на какую-то бесовщину... Чего только стоит набитая на руке наколка «bіc», что в переводе на русский означает «бес». Ну что тут можно сказать... Если бес на руке, то он и в душе. А это значит, что он следует за сыном повсюду, ибо он в нём. И не только в нём: мне порой кажется, что всё население Украины сошло с ума – все скажут и прыгают, как бесы. При этом их агрессия к русскоязычному населению просто зашкаливает. Никогда бы не подумал, что на пороге XXI века украинский народ, которому русские дали всё и даже больше, будет конфликтовать с Россией, противопоставляя свободе и демократии украинский национализм, бандеровщину и даже фашизм со всеми вытекающими последствиями. В результате вместо доброжелательных отношений по всей Украине разносятся призывы к уничтожению не только русского языка, но и всего русского народа. И это говорят те люди, кто ещё совсем недавно ходил в лаптях за плугом где-то в Полтавской или Черниговской губерниях,

не имея ни кола ни двора. И только благодаря русским они обрели то, что сегодня имеют, начиная от республиканского статуса с мощной промышленностью до колоссальной социальной инфраструктуры, не говоря уже о границах – отдали им лучшие российские земли... Сколько раз я касался этой темы и никак не пойму, как же так получилось, что у себя под боком мы взрастили не просто монстра, а нечто такое, от чего стынет кровь в жилах? Как так получилось, что никто не остановил в своё время это утробное развитие украинского национализма?

Не пресёк мощное идейное украинское движение, сравнимое разве что с раковыми метастазами. Конечно, чтобы ответить на все эти вопросы, нужно знать не только природу этих людей, но и историю. А она, как говорится, пугает своей правдой... Одним словом: «тонко прясть» украинцы не захотели – долго ждать. Взять готовенькое у русских для них всегда было делом привычным. Эта концепция приживалась в их мозгах столетиями, потому что взять у русских легче, чем создавать. Но не имея общей культуры и умения управлять государством, они не смогли справиться с той великой Украиной, которую передала им Россия, – «шапка оказалась не по Сеньке». На этом обломал себе зубы в своё время и Хмельницкий, обратившись к русскому Царю с поклоном и со словами: «Боже! Утверди! Боже! Укрепи! Чтоб во веки все едино были!...» А ведь этот человек был далеко не глуп. Да и казачество его почитало, поскольку он обладал бунтов-

щическим духом и умом. Однако этот умный человек построить своё украинское государство отказался, так как для этого одного желания и ума оказалось мало, нужна ещё воля Господа, а вот почему-то к украинцам Господь не стал проявлять свою волю. Отсюда у украинцев разные проблемы и политические амбиции: мол, русским Господь разум дал, а нам нет; и работать за нас они не хотят, непорядок. А если так, то их нужно не только наказать, но и уничтожить. Да и как может быть по-другому, если главный вопрос для них сегодня не мир, не строительство своего государства, не дружба с народами, а война с Россией! Я бы никому не поверил, слушая эти слова, если бы лично не держал в руках эти листы – опросники для населения Украины, где чёрным по белому было написано: «Готовы ли вы воевать с Россией?» И это не вымысел, а официальный опрос населения общественными организациями, финансируемыми фондом Сороса. Сказать, кроме как вот тебе, бабушка, и Юрьев день, нечего. Приехали, что называется! Конечно, чтобы избежать ответа на этот вопрос, наиболее сознательным украинцам ничего не оставалось делать, как пожимать плечами, делая вид, что они ничего не понимают, хотя смысл в этом вопросе прямой – уничтожить Россию. Но страх перед русскими, перед их силой останавливает их говорить об этом что-либо... Они прекрасно понимают, что как бы ни были русские терпеливы, рано или поздно они одумаются и придут за своим... Чтобы достичь своей цели, Украина начала искать помощи на Западе

и нашла её у США как центра иудейско-масонской цивилизации. Украинские олигархи прекрасно знали, что эта страна сложилась главным образом под влиянием еврейских элементов и являлась «эманацией еврейского духа», где воплотились все силы зла, жестокости, разврата и разложения.

Подобные обращения от слабых, малоразвитых государств американцы очень любят. Выслушав «бедных и несчастных» украинцев, американцы тут же выступили их гарантами, сказав, что для защиты их свободы и демократии они используют против России все свои громадные возможности, приняв надлежащие меры как в политическом, так и в экономических отношениях. А чтобы украинцы спали спокойно, на первых порах они помогут им оружием и подготовкой солдат в рамках НАТО.

Гарантии США так воодушевили украинских вождей и олигархов, что они решили идти дальше – вредить России всем, чем только можно. В результате этого американо-украинского «сабантуя» жернова на Украине заработали с новой силой, не жалея никого – ни стариков, ни детей. Массовые избиения и убийства не согласных с политикой киевского режима стали на Украине нормой. «Помощь», которую оказывали американцы украинцам, всё больше была направлена не на повышение благосостояния людей, а на повсеместную пропаганду русофобии... И этот кошмар набирает всё большие обороты. Складывается полное ощущение, что машину «самостийности» уже не остановить. Напрашивается за-

конный вопрос: неужели эти «цивилизованные люди» опять развяжут войну против России? Неужели западные страны вновь станут послушными марионетками в чьих-то руках? Ох и незавидное же нам выпало время. Как я ни уговаривал сына переехать в Россию – он не захотел, мотивируя это тем, что на Украине у него дела и друзья... Что с ним там будет, одному Богу известно.

Ладно, хватит об Украине, у нас своих проблем хватает. Взять хотя бы образование. К сожалению, при нынешней системе с Ярославом может произойти то же самое. А всё потому, что детей в школах не учат, а калечат, в полном смысле этого слова. Ни о каком индивидуальном подходе к ребёнку речь уже не идёт, все учителя работают по западному образцу. А ведь у нас была лучшая образовательная система. Не понимаю, зачем было вырывать с корнем и выбрасывать на помойку всё то, что делало нас гуманными и человечными? Напрашивается вопрос: а что дальше? А дальше остаётся только одно: растить малообразованного человека, который только и будет нажимать на педали да за рычаги дергать. А ведь дети – это будущее: что мы в них вложим, то и получим.

Если коснуться истории, то такое образование в свое время получали дети в Германии, когда началась в XVIII–XIX веках промышленная революция. Когда капиталистам нужно было большое количество дешёвых рабочих рук. Получается, что у нас происходит то же самое – из наших детей

хотят сделать тех же рабов. Ну а как может быть иначе, если у нас в стране выстроена та же буржуазная иерархия, та же буржуазная идеология, доставшаяся ещё от Ельцина? Разрушить это «наследие» непросто. Но даже если мы это разрушим, что взамен? Ничего! Ну хорошо, научили мы своих детей дёргать рычаги, а как быть на духовном уровне, на уровне идей, где в центре стояли бы интересы и ценности русской нации? Оказывается, их тоже нет. И никто не думает, чтобы они были, словно у нас никогда не было своей страны и своей культуры. Какая-то карусель получается, не иначе. Мы что, так и будем жить с вирусом глобализма и постмодернизма? Если это так, то Россию нам никогда не возродить, поскольку возрождать будет некому. Ладно, всё, хватит... Пора выбираться из своих дум и размышлений, хотя бы ради того, чтобы глотнуть свежего воздуха, исходя от разумности и здравого смысла. Зачем думать о том, что мы потеряли безвозвратно? А что касается вопроса Ярослава, то, когда приедем домой, я обязательно расскажу о нашем разговоре Рите. Интересно, что она скажет?»

Глава IV

От разных дум и размышлений Егор не заметил, как погрузился в сон: сердцебиение и дыхание замедлились, мышцы расслабились, температура тела упала, активность мозга снизилась. Казалось бы, переход в фазу быстрого сна неминуем, чтобы чувствовать себя утром отдохнувшим и свежим, но в это время он услышал слабый стук в дверь, затем, как она тихо открылась, и негромкий голос проводницы:

– Мужчина, через полчаса будет Тверь.

– Да, да, спасибо, – тут же послышался сонный голос Александра.

Ничего больше не сказав, проводница вышла из купе, не до конца закрыв дверь. Крошечная щель между дверью и притвором тут же заполнилась тонким лучиком света, исходящего из коридора.

Убрав с лица одеяло, Александр потянулся, не спеша поднялся и спустился вниз. Посидев на краешке дивана пару минут, он вдруг оживился, взял полотенце и, пошатываясь из стороны в сторону, вышел из купе, не доводя ручку двери до полного закрытия. Не прошло и минуты, как вагон дернулся, дверь приоткрылась, и свет из коридора осветил всё купе. Прикрывая лицо одеялом, Егор страсть как не хотел вставать, чтобы прикрыть дверь: чувство сонливости, погружённое в сладкую обнимающую дрему, было куда сильнее вся-

ких неудобств. Но это чувство продолжалось недолго. Понимая, что крепкого сна уже не будет, Егор почувствовал, как его охватили разные мысли, вплоть до какой-то непонятной тревоги, природу которой он никак не мог понять.

«Кажется, я переборщил немного со своими думами и размышлениями, – подумал он, подбирая одеяло. – Надо постараться прервать этот «экскурс» и настроиться на сон, а то к утру я буду весь разбитый».

Но сон не давался. Чтобы не мучить себя, он открыл глаза и, приподняв голову, посмотрел на Ярослава. Увидев, что большая часть одеяла скатилась на пол, он тут же приподнялся, встал и накрыл сына.

После этого он хотел прикрыть дверь, но подошёл Александр.

– Разбудил вас, наверное? – тихо, почти шёпотом спросил он.

– Да ну, что вы... Я встал, чтобы укрыть сына, а так, знаете, всю ночь разные мысли не давали спать, словно что-то злоумышляло...

– Это они могут, – сказал Александр, спокойно укладывая свои вещи в небольшой дорожный чемодан. – Если мысли плохие, то от них нужно избавляться, стряхивать с себя, чтобы они не превратились в действия.

– Интересный подход, – тихо проговорил Сомов, протирая глаза.

– Если от них не избавиться, – сказал Александр, – то они

облекутся сначала в форму слов, а затем превратятся в действия, к которым мы не всегда бываем готовы. Помните у Шекспира: «Не давай языка необдуманным мыслям и никакой необдуманной мысли не приводи в исполнение».

– У Шекспира плохих мыслей нет, – первое, что пришло в голову, сказал Сомов.

– Это точно! Читая его, хочется думать, думать и думать...

Слушая Александра, Егор видел в нём больше света, чем темноты. Возможно, потому, что ему нравилась тема разговора и то, как он её развивает.

– Ох, как же хочется спать, а! – перейдя на обыденность, сказал Александр. – А надо выходить.

Сказав эти слова, Александр зевнул и потянулся так, что косточки затрещали.

– Скоро уже на месте будете, – глядя на ночного собеседника, тихо сказал Егор.

На что Александр спросил:

– Были в Москве?

– Нет, на Украине.

– Даже так, – удивлённо сказал Александр. – Ну и как там, в Незалежной?

– Да как вам сказать: сложно, очень сложно. Нищета, безработица, политиканство – вот всё богатство нынешней Украины. Ничего нового.

– Да, этого у них не отнять. Поговорить, облапошить ко-

го-нибудь – на это они большие мастера. Я там был года два назад, в командировке, так, не поверите, мне каждый день хотелось оттуда побыстрее уехать.

– Это почему же?

– Не знаю. Думаю, из-за страха.

– Интересно. И что вас так напугало?

– Трудно сказать. Это тот страх, что присутствует внутри, на уровне подсознания. Помните картину Шишкина «Перед грозой»?

– Это где летний пейзаж с небольшим прудиком, тропинкой и овражком, что ли?

– Вот-вот.

– И что?

– На фоне всего этого милого и замечательного, если вы помните, небо наполнено грозовыми тучами. Пройдёт какое-то время, и всё будет повержено стихией: сплошной стеной ливня, ураганным ветром, всполохами молний и громом...

«Хорошая метафора», – не сводя глаз с Александра, подумал Сомов.

– По логике, – продолжал Александр, – видя такое явление природы, невольно хочется спрятаться, укрыться где-то, чтобы не стать жертвой. На Украине, как мне показалось, сейчас происходит точно такое же «буйство». Только не по вине природы, а по вине горе-политиков. Порой хочется спрятаться, зарыться в маленькую норку и сидеть, не вы-

совывая носа. Я не говорю уже о морально-этических нормах. Всё накалено до предела.

– Что есть, то есть, это вы хорошо почувствовали, – сказал Сомов.

– От этого я не только плохо спал, – продолжил Александр, – но и плохо стал видеть, плохо слышать, не говоря уже про то, что перестал чувствовать запахи. Короче, украинцы достигли того дна, которого хотели. Ну разве это жизнь? У нас, конечно, тоже не лучше, но Украина, скажу честно, поразила меня своей русофобией. Это что-то запретельное, я бы даже сказал, на уровне шизофрении.

– К сожалению, этим украинцы поражают всех, – с грустью в голосе сказал Сомов. – После распада СССР с ними произошло что-то страшное, а что – не знаю. Были ведь нормальными людьми. Никаких национальных движений и близко не было.

– Ну, это вы зря...

– Ну разве что в среде творческой интеллигенции бродил дух русофобии, да в Галиции была ненависть ко всему русскому, но это было у них всегда... На это никто особо не обращал даже внимание, зная, что всё это живёт в них на генном уровне. Никто никогда не думал, что в определённый момент у украинцев возьмёт верх этнический эгоизм, расчёт и инстинкт правящей элиты. Я сам много лет прожил на Украине и никогда бы не подумал, что они ринутся с такой яростью на Россию.

– Рано или поздно это должно было случиться, – спокойно сказал Александр. – Украинцев, с их ненавистью ко всему русскому, прекрасно использовали американцы. Они считают, что этот «кусок» земли – их заслуженное приобретение, добыча в холодной войне, и никто не имеет права его отнимать. А если так, то они имеют полное право делать с Украиной всё что угодно. Украинцев это устраивает. Во всяком случае, украинцы готовы ко всему, чтобы понравиться Европе.

– Не знаю, что им далась эта Европа? – глядя на ночного собеседника, сказал Егор.

– Мечтать не вредно. Во всяком случае, это их дело, – развивая мысль, сказал Александр. – Меня беспокоит другое: их отношение к русскому населению. По этому поводу у них какая-то агония, особенно к русскому языку – это невозможно передать словами.

– Да, есть такое, – тихо, почти шёпотом, сказал Сомов. – Запрет русского языка – их любимая тема. Скажу больше: наряду с государственно образующей нацией – украинцами – на Украине, как вы знаете, существуют и коренные народы, и национальные меньшинства, которые проживали и проживают на этой территории уже сотни лет. Так вот, русских они отнесли в самый конец этого списка. Хотя русских на Украине больше, чем самих украинцев. Чего только стоят восемь областей юго-востока!

– Вот я и говорю: странностей в этом народе значительно

больше, чем здравого смысла. И это при том, что мы многие десятилетия были связаны производственными и экономическими интересами. У многих россиян там родственники. Нет ни одной семьи в России, чтобы...

Не успел Александр договорить свои слова, как из коридора, нарушив ночную тишину, послышался громкий женский крик:

– Мужчины, помогите... убивают...

Услышав эти слова, Сомов и Александр переглянулись, не понимая, что происходит.

– Кто-то зовёт на помощь или мне послышалось? – сказал Сомов.

– Мне показалось, что это голос проводницы? – быстро встав с дивана, сказал Александр.

Выйдя из купе, они увидели возле купе проводников двух мужчин: одного – лет пятидесяти, а другого – лет тридцати. Тот, что был помоложе и выше, размахивая ножом, пытался ударить другого. Событие развивалось стремительно. Мужчина, что был постарше, всячески сопротивлялся, но силы были не равны. В какой-то момент молодому парню удалось повалить мужчину на пол и нанести удар ножом.

Не понимая, что происходит, Егор и Александр подбежали к разъярённому мужчине и попытались отнять нож, но, бросив свою жертву, он тут же кинулся с окровавленным ножом на Егора. Не теряя времени, Александр ловким движением схватил мужчину за руку (словно делал это в сво-

ей жизни много раз) и, резко завернув её за спину, повалил нападавшего на пол. Взыв от боли, молодой человек начал кричать и сквернословить. Более того, он всячески пытался вырваться, но сделать это ему не удавалось, как бы он ни старался. Александр был явно сильнее и ловчее его, да и Сомов не стоял просто так... К тому же, к ним на помощь подбежал ещё один мужчина. Обезоружив молодого человека, они связали ему руки и ноги и затащили в служебное помещение проводников, закрыв на ключ.

Не успели Александр и Егор прийти в себя после того, что случилось, как услышали громкие слова женщины, которая оказалась рядом.

– Мужчины, что вы стоите как истуканы? Вызовите быстрее полицию и скорую. Вы что, не видите, что человек истекает кровью?

– Женщина, где вы видите, что мы стоим! – поправляя оторванный воротник рубахи, сказал Александр. – Лучше пройдите по купе и спросите, есть ли среди пассажиров врачи.

Женщина дёрнула плечом и, развернувшись, быстро пошла по коридору, стуча в каждую дверь...

Склонившись над раненым мужчиной, Егор и Александр пытались понять, в каком он состоянии. Их пугало его бледное лицо, озноб, вялость, отсутствие движений и слабый пульс.

– Сейчас, сейчас, потерпите, – сказал Александр, пытаясь

определить состояние потерпевшего.

Глядя на Александра испуганными глазами, потерпевший хотел что-то сказать, но у него не получалось – он задышался.

– Молчите, молчите, – сказал Александр, – вам сейчас лучше не говорить.

Стоя рядом с потерпевшим, Егор обратил внимание на его серую рубаху, сквозь которую всё явственнее проявлялась кровь...

– Нужна срочная перевязка, – сказал Александр, расстёгивая пуговицы рубахи. – Кстати, а где проводница? – глядя по сторонам, спросил он.

– Проводница? – тут же переспросил Егор. – Я сейчас посмотрю...

Отойдя, он быстро заглянул в купе проводников: проводница, забившись в угол, сидела на стуле и, приложив к груди трясущиеся руки, плакала.

– Успокойтесь, успокойтесь, – тут же сказал Егор. – У вас есть аптечка?

– Аптечка, – вытирая слёзы, повторила она. – Да, да... где-то была, я сейчас.

Сказав эти слова, она тут же приподнялась со стула и, открыв дверку навесного шкафа, что висел перед ней, сказала:

– Да, кажется есть...

– Дайте её мне.

Открыв быстрым движением аптечку, Сомов увидел жгут, йод и бинт.

– Да, не густо; сообщите срочно по рации начальнику поезда, что тяжело ранен мужчина.

– Я бы сообщила, – виновато, сказала проводница, – но у меня нет рации.

После этих слов она вновь заплакала, словно чувствуя за собой какую-то вину...

– Прошу вас, успокойтесь, слезами сейчас не поможешь... А как нам его найти?

– Мне надо... я сейчас... я бегом...

Сказав эти слова, она тут же выбежала из купе, пробиваясь сквозь толпу пассажиров.

– Товарищи, – тут же сказал Александр, обращаясь к собравшимся пассажирам, – отойдите, пожалуйста, подальше от пострадавшего, не загораживайте свет. Есть кто-нибудь из медиков?

– Есть, есть, – сказала женщина средних лет, проходя сквозь толпу. – Я врач-терапевт. Что случилось?

– Мужчина ранен...

Женщина тут же подошла к потерпевшему и, опустившись на колени, стала внимательно его осматривать.

– Всё ясно, – нахмурившись, сказала она. – Проникающее ранение. Аптечка есть?

– Вот всё, что есть, – сказал Сомов, показывая содержимое аптечки.

– Этого недостаточно... Я сейчас.

Женщина встала и побежала в конец вагона, к своему ку-

пе. Не прошло и минуты, как она принесла бинты, вату и какие-то лекарства... Перевязав мужчину и сделав ему укол, она сказала:

– Нужна срочная госпитализация. Где проводница?

– Она убежала за начальником поезда.

– Мужчина, отойдите в сторону, не загораживайте свет, – строго сказала врач, кинув взгляд на стоящего рядом пассажира.

Мужчина тут же отошёл, не сказав ни слова. В это время в вагон вошли проводница и ещё двое мужчин. Один был высокий, худощавый, а другой – ростом поменьше и полнее. Оба они были одеты в форму железнодорожников.

– Я начальник поезда, – строго сказал мужчина, с бейджи-ком на костюме, где чёрным по белому было написано: Начальник поезда № N Мостовой Иван Никифорович.

– Что здесь произошло?

Все, кто находился рядом, молчали, потупив взгляды.

– Поймите, сейчас не время играть в молчанку. Я повторяю...

– Мы точно не знаем, – начал говорить Сомов. – Мы с попутчиком находились в купе, – он указал рукой на Александра, – когда слышали крик проводницы о помощи. Чтобы узнать, что произошло, мы вышли в коридор и увидели возле первого купе драку между двумя мужчинами. Мы попытались их разнять, но один мужчина, что помоложе, изловчился и нанёс второму мужчине удар ножом.

– Не понял, – глядя на Сомова, сказал начальник поезда, – ещё раз повторите: кто кого ударил?

– Я сказал, что молодой человек ударил ножом мужчину средних лет.

– А где он?

– Кто?

– Ну, этот, как вы говорите, «молодой» человек?

– Мы его связали и заперли в купе проводников. Сказав эти слова, Егор показал рукой на дверь...

– Ясно. А вы почему кричали? – глядя на проводницу, строго спросил начальник поезда.

– Я находилась на рабочем месте, – всё ещё не придя в себя, сказала проводница...

– Успокойтесь, успокойтесь, говорите спокойно, – глядя на проводницу, сказал Мостовой.

– Да, да, конечно... Они стояли в коридоре и разговаривали...

– Кто это они? – спросил Мостовой.

– Молодой парень, что закрыт в купе, и этот... – проводница указала рукой на потерпевшего. – Сначала они разговаривали спокойно, а потом молодой человек начал предъявлять ему какие-то претензии, причём делал он это громко. Я попросила его не кричать, объясняя это тем, что пассажиры спят.

Проводница говорила тяжело и отрывочно, как бы собираясь с мыслями.

– Говорите, говорите...

– Тогда он подошёл ко мне и, взяв за горло, стал меня душить, говоря непристойные слова. Я попыталась вырваться, но молодой человек начал действовать ещё агрессивнее... Я уже задыхалась, когда этот мужчина попытался его остановить... Тогда он кинулся на него. От страха я стала кричать. На помощь пришли двое пассажиров, – она показала рукой на Александра и Егора, – затем подошёл ещё один пассажир. Они отобрали у него нож, а затем связали и заперли в нашем служебном купе. Всё.

Сказав эти слова, уголки глаз проводницы увлажнились настолько, что слёзы бежали по щекам, не переставая.

– Ясно, – недовольно сказал начальник поезда, глядя на проводницу. Возникшая пауза длилась недолго. Окинув взглядом рядом стоящих пассажиров, он сказал:

– Товарищи, прошу всех успокоиться и разойтись по своим купе. В полицию и скорую помощь мы уже сообщили; с минуты на минуту они будут здесь... А вы, извините, кто будете? – глядя на женщину с лекарствами, спросил Мостовой.

– Я врач-терапевт. Меня попросили помочь...

– Понятно. Скажите, в каком состоянии находится пострадавший?

– В очень тяжёлом. Ножевое ранение оказалось проникающим: задеты жизненно важные органы. Я перевязала его и поставила обезболивающее, но...

– Что «но»?

– Идёт быстрое развитие гипоксии; нужна неотложная помощь...

В это время поезд замедлил ход и остановился.

– Виктор Николаевич, – строго сказал Мостовой, обращаясь к своему помощнику, – срочно свяжитесь ещё раз со станцией... Пусть поторопят со скорой...

– Хорошо. А что с пострадавшим будем делать? – глядя на Мостового, спросил Виктор Николаевич.

– А что мы можем с ним сделать? Ничего.

– Ну как же, Иван Никифорович, не лежать же ему здесь на холоде до приезда врачей и полиции... К тому же, сейчас пассажиры пойдут... Как бы хуже не было.

– Хуже уже быть не может. Пусть пассажиры заходят в вагон с обратной стороны.

– Может, нам...

– Никаких «может», – резко ответил Иван Никифорович, – у нас есть инструкция, и нарушать нам её не положено. Зачем мы будем создавать дополнительные проблемы?.. У потерпевшего может быть из-за этого и смещение, и травмирование разных сосудов – да мало ли что может произойти, а нас потом с тобой по судам таскать будут... Как думаешь, нам это надо?

– Нет, конечно... Я хотел как лучше...

– Надо делать не как «лучше», а как положено по инструкции. Куда кого выносить и заносить – это дело полиции и

врачей. А наше дело – вести пассажиров. Понятно?

– Я понял, – виновато проговорил Виктор Николаевич.

– Вот и хорошо, что понял, – сказал Мостовой, кинув строгий взгляд на помощника. – Простите, а вас как зовут? – глядя на врача, спросил Иван Никифорович.

– Любовь Владимировна. Шестакова Любовь Владимировна.

– Любовь Владимировна, вы едете до Санкт-Петербурга?

– Да, а что?

– Можно я вас попрошу побыть с потерпевшим до приезда скорой помощи? Они с минуты на минуту должны подъехать... ну, мало ли, сами понимаете.

– Конечно, конечно. Только поймите меня правильно: я не хирург и не реаниматолог; я сделала всё, что могла... В данный момент я могу только контролировать его сознание и пульс, не более. К сожалению, я...

– Я вас хорошо понимаю, доктор, не волнуйтесь. Скорая и полиция будут с минуты на минуту. Об этом я позабочусь лично...

Сказав эти слова, начальник поезда и его помощник развернулись и ушли.

Оставшись один на один с пострадавшим, сидя на корточках, Любовь Владимировна чувствовала, как с каждой минутой замирает сердце мужчины, мучаясь. И от этого ей было больно и слезливо.

Глава V

Дело было уже к утру, когда Александр после задержки поезда и общения с полицией вышел из вагона. Одетый в кожаный полушубок, чуть сгорбившись, в состоянии духа разбитом и подавленном, он сделал несколько шагов по перрону в сторону вокзала и остановился. Что он чувствовал в этот момент, сказать было сложно, но то, что он чувствовал взгляд Егора, было бесспорно. Постояв несколько секунд, он обернулся и, помахав рукой в сторону неосвещённого окна купе, пошёл дальше. Через несколько секунд его силуэт скрылся в морозной пелене, наполненной не только ночным морозным туманом, но и снежной пылью, исходящей от проходящих поездов.

О чём подумали мужчины, глядя друг на друга, сказать было сложно. Известно было только то, что некоторое время назад каждый из них пережил не лучшие минуты в своей жизни. Возможно, это чувство и объединяло их в последние минуты расставания, рождая разные мысли... Во всяком случае, они прекрасно знали простую истину, которая говорила им о том, что судьба не сводит людей просто так: каждый человек несёт человеку своё предназначение и должен сыграть определённую роль в театре человеческой жизни. А вот какая роль кому достанется в этой драме или комедии, — они знать не могли, понимая, что всё зависит от милости Бо-

жьей.

Глядя вслед Александру, Егор не заметил, как поезд тронулся с места. Не отводя глаз от окна, он смотрел в сторону вокзала ещё несколько секунд, пытаясь что-то увидеть в морозной пелене, сквозь которую с трудом пробивался ночной свет от тусклых фонарей. С каждой секундой поезд ускорялся, оставляя позади не только мелькающие огни, но и ночную жизнь вокзала.

«Мне и во сне не могло такое присниться, – подумал он, вспоминая отдельные эпизоды ночного происшествия. – Мало того, что я увидел всё своими глазами, так ещё стал участником этого драматического события, ну и ну».

Размышляя, он захотел отказаться от всего того, что с ним произошло, сославшись на сон, поскольку такая нелепость и чудовищность казались ему невозможными. Но, что бы он ни думал, как бы ни хотел всё это назвать, реальность была сильнее. От этих мыслей ему стало даже как-то не по себе, даже страшно! Уж очень неожиданно всё случилось. В какой-то момент его даже затрясло лихорадкой, лицо омрачилось, а выражение глаз стало таким грустным, что вызывало сострадание. Чтобы не провоцировать своими мыслями ещё большее недомогание, он лёг и накрылся одеялом, пытаясь заснуть, но сон не шёл. В таком положении он пролежал несколько минут, ощущая не только безграничный ужас, но и всё то, что с ним связано: дрожь, подавленность и отсутствие активной реакции.

Чтобы не поддаваться разным аффектам, он стал думать о Рите, о работе... Стал анализировать свою поездку на Украину – в Энергодар, где наконец-то совершил сделку по продаже своей квартиры, которую никак не мог продать много лет. Не обошли его мысли и о встрече с сыном Александром, с которым он не виделся уже два года. Он попытался даже вспомнить их разговор, проанализировать его в общих чертах, надеясь разобраться в той сути, что говорил ему сын. А говорил он ему о вещах довольно странных и непонятных; можно сказать, даже страшных. Во всяком случае, воспринять это своим умом он не мог. «Что не нужно сейчас мне делать, – подумал Егор, – так это не накручивать лишнего на своего сына. Перебесится парень, и всё пройдёт. К тому же возраст у него сейчас такой: на «подвиги» тянет! Конечно, все эти воинственные организации, факельные шествия к добру не приведут, но и изменить что-либо я не могу, поскольку он категорично отказался переезжать в Россию. Навязать на него, заставлять делать через силу – значит, окончательно оттолкнуть сына от себя, а я этого не хочу. Будем надеяться на лучшее», – заключил он.

Перебирая в голове всё то, что его волновало и беспокоило последнее время, он вспомнил последний разговор с дочерью по телефону, состоявшийся незадолго до их отъезда с Ярославом на Украину. Даже порадовался, что всё у неё хорошо – и на работе, и дома. «Она у меня, конечно, умница, что ни говори, – подумал он. – В своё время, будучи ещё

девочкой-подростком, она смело приняла решение уехать с Украины в Томск, к бабушке, сказав, что Украину не ждёт ничего хорошего. В этом плане, конечно, её прозорливость меня поражает. А вот за Сашку душа болит. Ох как болит. Чувствую, не кончится всё это добром. От этого переживания не знаю даже, что и ожидать?»

Роясь в своих воспоминаниях, он почувствовал, что страх стал постепенно утихать, приводя в норму весь организм. В какой-то момент он приподнял голову и, посмотрев на Ярослава, подумал:

«Вот ведь жизнь, а. Несколько минут назад, совершенно случайно, я мог стать жертвой от руки какого-то обезумевшего пассажира, но кто-то или что-то меня спасли: либо Бог спас, либо всеобщий механизм, называемый судьбою, захотел меня представить случаю... Даже не знаю, что и думать по этому поводу. Нет, что ни говори, а какие-то «правила» на уровне метафизики в этой жизни всё же существуют: поезд, вагон, Александр, нападавший – всё это звенья одной цепи – вот только какой? Может, посредством этого испытания меня хотели о чём-то предупредить, чтобы впредь я был предельно осторожен? Впрочем, что об этом думать, если я никогда об этом не узнаю. Будет лучше, если я выкину из головы все эти мысли. Я жив и здоров – и это главное. Конечно, считать себя счастливым человеком я бы всё же не стал, так как мои действия зависели не только от меня одного. Если бы не Александр, то неизвестно, чем бы всё это

закончилось, — лезвие ножа нападавшего сверкнуло рядом с моим носом. По сути, он спас мне жизнь. Была ли это простая удача или храбрость с его стороны, я тоже не знаю. Знаю лишь одно: смелость придаёт человеку не только силу, но и уверенность. Думаю, он был уверен на сто процентов в своих действиях».

От ночных размышлений Егору страсть как захотелось пить. Протянув руку к изголовью, он включил ночник, поднялся и осторожно, чтобы не пролить, налил себе из бутылки полстакана воды. Сделав с перерывами несколько глотков, он поставил стакан на стол. Когда он ставил стакан, то обратил внимание на визитку, которую дал ему Александр при расставании. Взяв её в руку, он прочитал: «Рукавишников Александр Борисович. Следователь по особо важным делам СКР». Ниже был написан номер телефона.

Не заостряя своё внимание на визитке, он положил её в свою сумочку и подумал:

«Ладно бы я был один, а то ведь с сыном. Нет, что ни говори, а жить стало очень страшно. Несколько часов назад мы как раз говорили об этом с Александром — и на тебе. Правда, мы говорили об Украине, но у нас, оказывается, тоже не лучше. Если в советские времена мы называли жизнь привилегией, то сейчас — это уже не жизнь, а какое-то наказание. Ну, а как назвать это по-другому, если ежедневно, ежечасно мы подвергаемся смертельной опасности? Это осознание очень страшит. И не просто страшит, а чрезвычайно страшит! По-

мимо того, что мы находимся в окружении бесчисленного количества внешних врагов, так нас обложили ещё и внутренние».

После этого он закрыл глаза. Сон клонил ко сну, но спать почему-то не хотелось.

«Всё, что говорил мне Рукавишников про украинцев, – неожиданно для себя подумал Егор, – мне хорошо известно. Никакой Америки он не открыл. Тревожит в этой истории то, что, потеряв признаки управляемости, украинцы не просто деградируют, а неуклонно двигаются к какому-то хаосу, дезорганизации и катастрофе. Причём это «движение» им нравится. Они получают от этого не просто удовольствие – а кайф, словно впереди их ждёт что-то сверхъестественное. Неужели на Украине нет нормальных, думающих политиков, способных думать?.. Или американцам удалось глобально поработать и на этом «фронте», создав галерею не только алчных бизнесменов, тупых политиков и фашиствующих элементов, но и бандеровцев, сравнимых разве что с пещерными гориллами, готовыми, по указке англосаксов, бороться на поле боя за мировое господство. Если это так, то американская «проповедь» достигла своей цели. Остаётся только жалеть, что в украинском обществе нет ни одного разумного лидера, способного понять и сказать народу: «Українці, брати! зупиніться і одумайтесь. Англосакси нас використовують як витратний матеріал. Давайте будемо будувати державу своїми руками. Давати жити своїм розумом, інакше нас

чекае всіх катастрофа»⁴. Но такого человека, к сожалению, нынче на Украине нет и вряд ли будет. Украиной могут руководить только холоуи, предатели и клоуны».

После этих слов он вновь выпил воды и, поставив стакан, подумал:

«Всё это, конечно, огорчает. Но ещё большее огорчение возникает оттого, что всё это делают американцы для того, чтобы уничтожить Россию. Это факт. На все действия американцев – что в России, что на Украине – есть один простой ответ: в доме, где нет кошки, резвятся мыши. Александр Руквишников прав, когда говорил о том, что американцы и европейцы почувствовали себя полными хозяевами на Украине.

Это я знаю ещё с девяностых годов: захват территорий и установление на них своих правил – их любимое занятие. США – это такое же исчадие зла для всего мира, как и фашизм. По-моему, говорить об этом больше нечего. Не зря ведь в советские времена нас всячески ограждали от этого зла, а мы не верили, принимая их за благородных, цивилизованных людей.

Мы пригласили их даже к себе, образно выражаясь, в дом, чтобы не только дружить, но и учиться у них уму-разуму. Спрашивается: на что мы надеялись? На их честность, по-

⁴ Украинцы, братья! Остановитесь и одумайтесь. Англосаксы нас используют как расходный материал. Давайте будем строить государство своими руками. Давайте жить своим умом, иначе нас ждёт всех катастрофа. И как бы худо нам ни было, нам всем придётся с этим жить до поры до времени (укр).

рядочность и сострадание? Но этих качеств у них никогда не было. Откуда им взяться... Взять хотя бы Англию. Если вспомнить её историю, то начиная с XVI века она развязывала войны одну за другой, устраняя всех своих геополитических соперников, сумев стать, вместе с американцами, доминирующей державой в мире.

Но этого им показалось мало. Украина и Россия – это продолжение их истории. Захватив Украину, они, однозначно, возьмутся за Россию, чтобы окончательно её демонтировать как единственный очаг сопротивления. Этим они хотят расчистить себе путь к мировому господству. Эту цель они будут добиваться до тех пор, пока не достигнут её. Их ничто не остановит. Это их суть, их матрица. Чтобы этого не случилось, нужна общность государств, нужна смелость лидеров всех стран, готовых бороться за свой суверенитет. А для этого нужен лидер! И не просто лидер, а человек мирового масштаба, который бы повёл всех за собой на борьбу с этой западной шайкой.

Ну да ладно, что об этом говорить. Жаль, конечно, что история ничему нас не учит; складывается впечатление, что мы какие-то «необучаемые», если из века в век наступаем на одни и те же «грабли». Вот и получается, что винить в этой истории, кроме себя, вряд ли кого-то нужно. Да, наломали мы дров, так наломали, теперь вот приходится пожирать свои плоды, а значит, и выходить из этого лабиринта нужно самим».

Размышляя над последними словами, он неожиданно подумал:

«А может, этот «лабиринт» и есть сама жизнь? А что: вход в неё – рождение, а выход – смерть. Всё очень логично. Пока мы блуждаем по лабиринту, мы живем, мы ищем себя, впадая в разные грехи. Причём, блуждая по лабиринту, человек почему-то не хочет думать о том, что помимо выхода есть ещё и вход. В этот мир каждый из нас вошёл чистым и невинным, возвестив миру своим криком, что он готов любить эту жизнь, беречь этот мир как среду обитания! Но что мы имеем в финале – поиски чёрного выхода. Что это: незнание, неумение ориентироваться в пространстве или что-то ещё такое, что даёт возможность сбежать от себя самого? Но сбежать от себя, как известно, невозможно».

Так он лежал и размышлял, причём не только над своей жизнью, но и над самой сутью человеческого существования.

«Чтобы не чувствовать себя разочарованным и несчастным, не задыхаться в окружающей действительности, – подумал он, – нужны действия! Они не гарантируют спокойствия и счастья, но сидеть, словно в концептуальной «клетке», и ждать с моря погоды – не следует. Иначе можно превратиться в рабов. А ведь мы свободные люди. Не знаю, как другие, а я хочу жить в своей стране по законам своих предков и поклоняться своему богу, а не дьяволу».

Он бы и дальше размышлял на эту тему, но состав неожиданно дёрнулся – раз, другой, третий – и резко притормозил,

словно наткнулся на препятствие. После короткой остановки он вновь стал набирать ход, плавно покотившись по рельсам.

«Всё, голова кругом, надо поспать хотя бы пару часиков, скоро будем в Питере», – подумал он.

Но вопреки всему он продолжал лежать и думать о чём-то своём. Поезд тем временем то набирал скорость, то опять притормаживал, словно его кто-то сдерживал... Несмотря на усталость и сонные глаза, Сомову спать не хотелось. Был ли это психологический срыв или что-то другое – он не знал. Да и не хотел он этого знать: в этот момент его интересовало нечто большее – природа человека, его сущность!

«Тысячу лет человечество имеет университеты и ещё бог знает что, – лёжа рассуждал он, – но всё это богатство не даёт человечеству абсолютно никаких знаний. Оно как было убогим, невежественным и разочарованным тысячу лет назад, таким и остаётся по сей день. Самое печальное то, что эту истину невозможно оспорить. Хотя бы потому, что на земле несметное количество богатств, но оно принадлежит узкому кругу лиц, в то время как остальной мир живёт в нищете. У всех народов есть правительства, президенты, но они мало что делают для своих граждан, оправдывая свои действия тем, что они не пророки и не спасители; и от них мало что зависит. Возлагать вину за невежество людей на кого-либо бессмысленно. А если так, то судьба человечества может быть предрешена одной лишь фразой: гибель старого и рождение нового. Но какое оно, это новое? Увы, никто

не знает. Как не знает и то, может ли оно быть хуже старому? Взять хотя бы выступление Путина... Его слова, произнесённые в Германии, о многом говорят, но он тот политик, которого никто толком не знает. Где гарантия того, что этот человек, употребляя красивые слова, не заведёт нас опять в тьму тараканью, как это сделали его предшественники – Горбачёв и Ельцин? Нет такой гарантии! А если нет гарантии, то, естественно, не хочется ни во что верить... Он уже почти два срока у власти, и что? Люди как вымирали, так и продолжают вымирать; деревни, посёлки, города исчезают с российской земли с космической скоростью. Уровень жизни как упал в девяностые годы, так и продолжает падать... И это в то время, когда мы обладаем несметными богатствами. Страшно смотреть, что делается на периферии. Там люди не живут, а выживают. Они не знают, как свести концы с концами. Крепостные жили лучше. По уровню жизни Россия сегодня занимает, дай бог памяти, чуть ли не семидесятое место. Как такое вообще возможно? В правительстве каждый день говорят, что нет денег! Тогда возникает вопрос: а куда они делись? Почему на досрочные выплаты кредитов Америке и МВФ они есть, а пенсионерам на хлеб и лекарства денег нет? Это ведь не выдуманные слова, об этом говорят не только члены правительства, но и сам Путин: «Нашим детям, – сказал он, – не придётся отдавать за нас прежние долги». Правильно, «не придётся», потому что при такой любви и щедрости к западному миру у нас не будет не только детей,

но и страны. Конечно, мне многие могут возразить: «Знаете, это уж слишком. Как бы трудно ни было, Путин старается закрыть не только кредиты, но и решать приоритетные национальные проекты в социальной сфере и экономике: национальный проект 'Здоровье', национальный проект 'Образование', национальный проект 'Жильё', национальный проект 'Развитие АПК' и т. д. Кроме того, посмотрите, как много сделано в общественной жизни страны – создана суверенная демократия! Нет, уважаемый, вы ошибаетесь, Владимир Путин – тот человек, кто по-настоящему любит Россию, поэтому россиянам нужно держаться за своего президента. Таких честных, преданных и неподкупных людей единицы»».

«Да, всё это так, – продолжал размышлять Сомов, – создать можно всё что угодно, но если все эти «свежие и необычные изобретения» созданы только для того, чтобы пускать людям пыль в глаза, то это называется другими словами... В любом деле должен быть результат, а когда его нет, то с этим правителем что-то не так. А что не так – мы не знаем? Но мы знаем и видим другое: русский народ как вымирал, так и продолжает вымирать... Неужели вся наша жизнь только и состоит из громких фраз, выражений и тотального вранья? Да, как же это страшно любить свою родину, зная, что никакой лучшей жизни в ней никогда не будет. Не будет не потому, что нет «лучшей жизни» – она есть, а потому, что все правители России во все времена всегда были добрыми для всех, но только не для русского народа. В этом, как ни

крути, и есть трагедия России».

На этих мыслях он закрыл глаза и провалился в сон. До Санкт-Петербурга оставалось совсем немного времени.

Глава VI

Утренний Санкт-Петербург встречал Сомовых холодным северо-западным ветром, небольшим морозом и высокой влажностью. От неприятных ощущений, пробирающих до костей, хотелось побыстрее добраться до дома, чтобы не только согреться в тёплой домашней обстановке, но и отдохнуть от тяжёлой дороги. Выйдя из железнодорожного вокзала, они сели в такси и поехали домой, в Приморский район.

Переезжая с Украины в Санкт-Петербург на постоянное место жительства, Егор и Рита руководствовались, в первую очередь, желанием жить в месте с чистым воздухом и хорошей экологией. Приморский район был именно таким, поскольку в нём отсутствовали промышленные предприятия. Большую часть района занимали парки, скверы и лесные массивы. Правда, у района было одно большое неудобство: он был расположен за железной дорогой, поэтому очень часто возникали заторы, особенно в час пик, но эту проблему в мэрии города обещали решить в ближайшие годы.

Приезд мужа и сына не застал Риту врасплох. Она готовилась к этому событию ещё с вечера.

— Мама, мамочка!.. — не успев перешагнуть порог, восторженно проговорил Ярослав. — Мы приехали!

— Да уж вижу, вижу, — радостно сказала Рита, пытаясь обнять и поцеловать сына. — Сыночек, ты же меня задушишь...

К тому же, у тебя такие холодные руки.

– Ярослав, тебе же не три годика.

– Папа, ну что я могу сделать, если я соскучился по маме?

– Это хорошо, что ты соскучился, только силы соизмеряй.

Мама у нас хрупкое создание.

– Мужчины, всё, хватит разговаривать, – вмешиваясь в разговор, сказала Рита. – Быстро раздеваться, мыть руки, переодеваться, и я готова вас накормить вкусным завтраком.

– Мамуля, ты даже не представляешь, как я хочу есть, – донёсся из ванной глухой голос Ярослава.

– Да почему же я не представляю? Представляю!

– Я тоже хочу есть, – вытирая руки, сказал Егор.

Подойдя к Рите, он склонился над её головой и, сказав ей несколько слов на ушко, сел за стол. Через пару минут к столу подошёл Ярослав и сказал:

– Мама, а ты знаешь, что в поездах сейчас нет вагонов-ресторанов?

– Как это нет? Такого не может быть!

– Может, может, – тут же сказал Егор, поддержав сына.

– Интересно, они что там, совсем с ума посходили, что ли? – И, помолчав несколько секунд, сказала: – Впрочем, может, это и к лучшему.

– Это почему же? – глядя на жену удивлёнными глазами, спросил Егор.

– Здоровее будете...

После слов матери Ярослав улыбнулся и что-то пробур-

чал, а у Егора улыбки не получилось.

– Что-то вид у тебя усталый, – глядя на мужа, сказала Рита. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Не выспался, видно.

– А почему не спал? Что-то мешало?

– Ты же знаешь, уснуть в поезде всегда сложно: то свет не тот, то подушка не та, то разные разговоры, короче, не до сна было.

– После завтрака тебе надо обязательно отдохнуть. А сейчас можно немного выпить...

Сказав это, Рита тут же встала из-за стола, достала из шкафа начатую бутылку красного вина, два бокала и поставила на стол.

– Я уже не помню, когда мы пили с тобой утром вино, – глядя на бутылку, сказал Егор.

– Ну когда-нибудь же надо начинать.

– Мама, а я что буду пить?

– А ты будешь пить яблочный сок.

Наполнив бокалы, Егор с нескрываемой теплотой и любовью посмотрел на Риту, затем на сына и сказал:

– За вас, мои милые!..

Поставив бокалы на стол, никто не спешил с разговорами.

Затем был второй тост – за семью; и третий – за любовь! Произносить три тоста в их семье было незыблемым правилом, можно сказать, семейной традицией.

После провозглашения торжественных слов Егор начал

делиться с Ритой своими впечатлениями от поездки в Энергодар. Рита больше молчала и слушала, лишь иногда вступая в разговор.

– Значит, – спросила она в какой-то момент, – с продажей квартиры вас можно поздравить!

– Да, можно поздравить, – с нескрываемой радостью сказал Егор. – Наконец-то продали. Пусть не так дорого, но выбора не было. Столько лет стояла... теперь хоть душа не болит.

– Да, вы молодцы! Большое дело сделали, – согласилась Рита. – Это сколько же лет мы её продавали?

– Ну, сколько, сколько, считай: мы уехали из Энергодара, когда Ярославу было полтора года.

– Пять с половиной лет, – да, прилично, сказала Рита. – Слава Богу, всё позади...

– Конечно, прилично, – глядя на жену, сказал Егор. И, помолчав, тут же добавил: – Ну, а с другой стороны, на что было нам рассчитывать, если это обычная типовая квартира в девятиэтажке? Это же не отдельный дом с мезонином, огородом и палисадником.

– Ну да, – глубоко вздохнув, проговорила Рита.

– Что интересно, – немного повеселев, начал говорить Егор, – когда мы подошли с Ярославом к подъезду дома, на скамеечке сидели две бабушки, ты их хорошо знаешь: одна такая маленькая, кажется, с третьего этажа, а вторая – с седьмого. Ну, короче, слово за слово... всё спрашивали, что да

как. Одна бабушка даже спросила: «Вы на время приехали или навсегда?» Я сказал, что на время... «А что вам тут не живётся?» – тут же спросила вторая. Пришлось сказать, что мы переехали в Россию.

– И как они среагировали на это?

– Без восторга. Переглянувшись, они тут же сменили тему.

– Странно.

– Ничего странного нет, всё ведь идёт от сердца... Они прекрасно понимают, что Украина оказалась в не лучшем положении после распада Союза, в отличие от России. От этого и такая реакция... Правда, глядя на Ярослава, одна бабушка спросила: «Это что, ваш маленький сынок?» Я говорю: «Да, бабушка, вот такой у нас уже сынок!» «А мы помним его совсем маленьким», – тут же проговорила вторая бабушка. Я говорю: «Так пять с половиной лет прошло, как мы уехали из Энергодара...» Они удивились...

– Ну, а что им ещё делать, как не удивляться! – поглядев на мужа, спросила Рита.

– Дело не в этом.

– А в чём? – с нескрываемым интересом спросила Рита.

– Они сказали, что люди массово уезжают из Энергодара.

А причина одна – бедность.

– Ничего странного в этом нет. Без конкретной экономической политики, Егор, ты же знаешь, ни одна страна не будет богатой.

– Да, всё так, – согласился Егор.

– Все народные деньги сегодня в руках украинских олигархов...

– Ты права, так оно и есть. Что интересно, – улыбнувшись, сказал Егор, – у одной бабушки волосы медно-красные, щедро выкрашенные хной, а у другой голубые, «под Мальвину». Глядя на них, я подумал: украинская цивилизация коснулась даже пожилых людей, никого не щадит. От этих мыслей, знаешь, стало как-то грустно. А вот когда зашли в подъезд, ты не поверишь...

– Папа, папа, можно я скажу маме, – глядя на отца и подняв правую руку, сказал Ярослав.

– Говори, говори. Что ты хотел сказать?

– Когда мы зашли в подъезд, – начал говорить Ярослав, – так сильно запахло борщом, что у меня даже слюнки побежали и в животе зажурчало.

– Ты моё солнышко! – глядя на сына, проговорил Рита.

– Да, было такое дело, – сказал Егор, пытаясь внести некоторые уточнения в слова сына. – Причём, когда подымались по лестничному маршу, то...

– А лифт что, не работал? – перебив мужа, удивлённо спросила Рита.

– Лифт у них уже давно отключили за неуплату... Так, что я хотел сказать... а, вспомнил, так вот, когда мы поднимались по лестничному маршу, то на одном этаже пахло борщом, на другом – абрикосовым вареньем, на следующем эта-

же пахло китайской лапшой, и чем выше, тем разнообразнее запахи, ароматы-ы-ы-ы-ы... они так закружили нам голову, что у нас, действительно, зажурчало в животах.

– Мои бедненькие, – с сожалением сказала Рита. – Больше не буду отпускать вас одних.

– Мама, а мы тоже больше никуда без тебя не поедem, без тебя скучно.

– Ах ты моё солнышко!

Дотянувшись до сына и поцеловав его в лобик, Рита сказала:

– В Энергодаре мне тоже всегда было хорошо, да и люди там были хорошие: всегда можно было о чём-то поговорить, посоветоваться... А помнишь, – сказала она, глядя на Егора, – набережную, канал, пляж, песчаные берега и сосны?

– Ну как же я не помню, помню, конечно!

– Как же мы любили там гулять...

– Больше всего, насколько я помню, – сказал Егор, – мы любили с тобой гулять в городском парке Победы. Помнишь лавочку под липой?

– Ту, что в больничном сквере?

– Да, ту самую!

– Ну как же не помню... конечно, помню. Ты мне даже стихи там читал...

– Да, как же быстро летит время, – проговорил Егор, глядя на жену. И, помолчав пару минут, продолжил: – Хотя, знаешь, за это время столько нами сделано, что грех жаловаться.

– Согласна, – сказала Рита, испытывая при этом некоторое волнение. – А помнишь, как мы ездили с тобой в Запорожье на электричке?

– Ну, как же я не помню, такое забыть нельзя. Больше всего, конечно, мне нравилось любоваться природой: смотришь из окна вагона на огромное голубое небо, и дух захватывает... А Каховское водохранилище... красота необыкновенная!

– А остров Хортица! – восторженно сказала Рита, всё больше погружаясь в воспоминания. – А дубовая роща! Днепр... и то место, где Гоголь признавался в любви... Там ты тоже читал мне свои стихи, помнишь?

Егор мило посмотрел на Риту и, ничего не сказав, тихо кивнул головой.

Так они сидели и общались долгое время, окунувшись в воспоминания... В какой-то момент Егор опустил голову и загрустил. Загрустил не от того, что устал, а от того, что увидел на Украине в очередной раз.

– Что-то не так, – сказала Рита, глядя на мужа. – Может, отдохнёшь...

– Нет, нет. Со мной всё нормально. Просто то, о чём мы сейчас с тобой вспоминали, этого ничего уже нет и в помине. Украина уже другая. Они отказались от всего, что нужно было беречь и сохранять. Они отреклись даже от христианства, приняв новую веру – национализм. И вот этот национализм им сегодня навязывает совершенно узкую, в этни-

ческом смысле, историю Украины, которая сводится лишь к одному – борьбе против «московской оккупации». Они стали запрещать, сносить, уничтожать всё, что касается русской культуры, её морали и традиционных ценностей. Одним словом, как я понял, сегодняшнюю Украину американцы, вместе с Европой, готовят как плацдарм для нападения на Россию.

– Ну, ты уж слишком...

– Да нет, Рита, «не слишком».

– Я всё же остаюсь при своём мнении. И вот почему: европейские компании так присосались к российским энергетическим ресурсам, что их не оторвать никакой силой, а ты говоришь... Не думаю, что у них хватит смелости пойти на конфликт. Жадность, трусость и невежество не позволят им этого сделать. Сам подумай: если прибыль европейских компаний упадёт, то что они будут делать с теми же пенсионерами? Они, извини, привыкли жить не как в России... так что вряд ли европейцы захотят воевать с нами. Правда, есть ещё Канада, где проживают недобитые бандеровцы и их потомки... Тут да, согласна, опасность есть...

– Что касается европейских компаний, – сказал Егор, прервав Риту, – то тут ты права и не права.

– Почему?

– Потому что все европейские компании сгибаются перед НАТО. Никто не сможет противостоять альянсу. Это зафиксировано во всех документах стран-участниц. Думаю, аме-

риканцы вместе с Европой уже потирают руки, чтобы начать новую войну против России. Но вести войну они будут не своими руками, а руками украинского народа – вот в чём беда.

– Ты сейчас говоришь страшные вещи, Егор.

– Совсем нет. Об этом говорят сами украинцы.

Егор говорил, и в каждом его слове, в каждом предложении были нотки доказательства, в которые Рита никак не могла поверить.

– Что бы ты ни говорил сейчас, – сказала Рита, – я не верю в то, что между двумя славянскими народами может быть война.

– Мне тоже трудно в это поверить, но факты, извини, – неоспоримая вещь...

– В конце концов, я не понимаю, Егор, что тебя тревожит эта Украина? Пусть они живут там как хотят! Это их право, и не надо обращать на них внимание.

– Что значить «не обращать на них внимание?» Ты не представляешь, что там сегодня творится! И это только начало... Трудно даже представить, какой ад там может быть... Я не знаю, конечно, но всё это похоже на 1918 год, когда под лозунгом «самостийности» украинцы развязали небывалую борьбу против русского народа, пригласив для этого не только австро-германские войска, марионеточное «правительство» под руководством гетмана Скоропадского, но и Антанту. А у иностранных империалистов, как мы знаем, ап-

петиты большие. Не успели они оккупировать Украину, как сразу появились мысли осуществить поход против России с юга... В результате этой авантюры появились матерые предатели украинского народа – Петлюра и Винниченко... Создавшие «новое» украинское буржуазно– националистическое «правительство» – Директорию, истинное назначение которой, как ты знаешь, заключалось в том, чтобы прикрыть англо-французскую цель: поход на Россию с последующим её уничтожением. Помнишь, во что это вылилось?

– В длительную войну.

– Вот именно! В результате предательства украинских националистов гражданская война на Украине приобрела ожесточённый и затяжной характер. С кем только не пришлось вести борьбу... От рук иностранных интервентов, петлюровцев, махновцев и прочих националистов погибли сотни тысяч людей... Надо отдать должное советской власти: они погасили этот конфликт, но какой ценой. Уцелевшие националистические вояки вынуждены были бежать в западноевропейские страны, где их потом стали использовать в качестве «спящих» пособников для будущей войны с Россией.

Сделав паузу, Егор подумал и сказал:

– Отличие нынешней ситуации от 1918 года заключается в том, что тогда была гражданская война, и украинцы боролись против буржуазно-националистической контрреволюции своими силами. Они не были обработаны идеологически интервентами. А сейчас, к сожалению, всё не так: англосак-

сы постарались не только создать новую науку ненависти к русским, но и привить её украинцам. Под предлогом борьбы за всё хорошее и против всего плохого сегодня американцы занимаются на Украине откровенным продвижением своих интересов.

– С этим я полностью согласна с тобой. Двадцать лет – это достаточно большой срок, чтобы полностью изменить сознание людей...

– В том-то и дело. Судя по тому, что там сейчас происходит, нам придётся сражаться не с националистами и даже не с англосаксами, а с украинским народом. А они сейчас, извини, настоящие махровые нацисты.

– И как же нам быть?

– Не знаю. Я не пророк, конечно, но то, что сейчас происходит на Украине, может обернуться для России большой бедой. Не развивая на должном уровне российско-украинские отношения, мы дали возможность вмешиваться в дела Украины американцам и НАТО. Что в принципе одно и то же. Они командуют не только на юге Украины и в Крыму, но и в самом Киеве. История повторяется. Под русский народ опять подкладывают «бочку с порохом». В определённый момент она так рванёт, что мало не покажется.

– Егор, я думаю, всё уладится. Вот примут Россию в НАТО – противостояние и закончится.

– Нет, Рита, не уладится. Путин, конечно, молодец, что, спасая страну, толкает её в альянс, но он прекрасно понима-

ет, что этому не бывать. Американцы жаждут войны, а не мира с Россией. Им нужна кровь. Это их матрица. От Украины американцы вошли в такой раж, что их уже не остановить. Ты же сама видела, что там делалось в последние годы, а сейчас и подавно... Нет, что ни говори, а Украины уже нет и быть не может – это этнографический материал. Истинно великим народом украинцы никогда не будут, поскольку они верят в кого угодно, только не в Бога. А если они не верят в Бога, значит, они лишены истины, а истина есть правдивость не только в слове, но и в мысли, не только относительная истина в нашем понимании, но и абсолютная истина, то есть Бог... Истина всегда сияет собственным светом, её не нужно освещать факельными шествиями или кострами, как это делают сейчас украинцы, сжигая книги русских классиков. Истина – это то, что упрощает мир, а не то, что создаёт хаос.

– Больно, очень больно за Украину, – о чём-то подумав, сказала Рита.

– Вот и мне больно... Слава Богу, что мы переехали в Россию.

– И всё же я хочу надеяться на лучшее.

– Я тоже хочу, но когда я вижу своими глазами, что на Украине всё подчинено организации восстановления оккупационного режима, то у меня, как у россиянина, сразу возникает множество вопросов, главный из которых – вопрос безопасности! Надо понимать, что все чёрные дела американцы делают только чужими руками. Я уверен, что они ис-

пользуют украинцев как инструмент для достижения своих целей...

– Егор, что сейчас об этом говорить. Время покажет.

– Всё так, но это «время» работает на уничтожение Украины, на уничтожение украинского народа.

После этих слов наступила короткая пауза. Глубоко вздохнув, Егор сказал:

– Самое печальное в этой истории то, что украинцы одержимы; они не хотят останавливаться перед своим падением – вот в чём беда. Англосаксы их так обработали, что они стали совершенно другими людьми. Что больше всего меня удивляет в этой истории, так это то, что украинцы настолько убеждены в своей правоте, в своей будущей победе над Россией, что никакие доводы их не останавливают. Я от этого в шоке! Они так смело об этом говорят, будто России уже нет. И это при том, что экономическое положение страны ухудшается с каждым днём. Фактор физического выживания людей доведён до борьбы за существование, я не говорю уже о разложении морально-этических норм. Но украинцев занимает совсем не это, а спекуляция валютой, реализация и приобретение контрабандных товаров, повсеместное воровство, коррупция, проституция, переименование улиц и сносы памятников. Всюду безработица, голод, холод, жёсткие репрессии. Этим пользуются американцы, говоря, что в этом виноваты русские, взращивая, тем самым, антирусскую нацию. Через «вину» русских американцы всячески прививают

украинцам иудейско-сатанинские принципы избранности и вседозволенности, то есть систему американизма. Понимаешь?

– Не совсем.

– А что тут непонятного: прививают систему паразитического существования за счёт чужих ресурсов, насилия, обмана, эксплуатации и ограбления других государств. В этом деле Украина уже очень похожа на Америку, не кажется тебе?

– Не знаю... я как-то не думала об этом.

– Зато я думал. Америка, как и Украина, – это не государство и не нация. Это искусственный конгломерат, который был создан двести с лишним лет назад. Причём этот конгломерат лишен не только основ прочной государственности, но и национального ядра. Тебе это ничто не напоминает?

– Напоминает...

– И мне напоминает... Такое ощущение, что нас готовят на растерзание Украиной.

– Тебя это пугает?

– Меня пугает другое.

– Что?

– То, что мы, не принимая никаких мер, – с некоторой грустью сказал Егор. – А если это так, то мы убиваем себя своей неспособностью заботиться о будущих поколениях.

На этой ноте разговор продолжался ещё некоторое время, но недолго.

Глава VII

Вечером того же дня, сидя в своём кабинете, Сомов достал дневник и сделал запись о своей поездке в Энергодар. Он написал:

«Трудно выразить словами всё то, что происходит на Украине. Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Украиной и Россией, который был подписан президентами двух стран 31 мая 1997 года, – не работает. Его формальность чувствуется во всём. В чём причины такого подхода с обеих сторон, сказать сложно. Остаётся только надеяться на здравый ум двух соседей».

Отложив ручку, он вспомнил пророчество Булгакова... «Надо же, – подумал он, – писатель всё предугадал. Всё, абсолютно всё. Личности Швондера, Шарикова, Лиходеева, Могарыча, Тальберга заполонили нынче вновь всю Украину и Россию. И конца этому не видно». Задумавшись, он встал со стула, подошёл к книжному шкафу и, взяв книгу «Мастер и Маргарита», стал медленно перелистывать страницы, вчитываясь в отдельные строки. В какой-то момент он перевёл свой взгляд на стены, словно выискивая на них для себя что-то важное с точки зрения эстетики, но, кроме нескольких живописных картин, висевших перед ним, ничего нового он не увидел, что могло бы заставить его мыслить как-то иначе. Подойдя к столу, он вновь сел на стул и, убрав закладку, це-

ликом погрузился в чтение.

«— А, милейший барон Майгель, — приветливо улыбаясь, обратился Воланд к гостю, у которого глаза вылезали на лоб, — я счастлив рекомендовать вам, — обратился Воланд к гостям, — почтеннейшего барона Майгеля, служащего зрелищной комиссии в должности ознакомителя иностранцев с достопримечательностями столицы.

Тут Маргарита замерла, потому что узнала вдруг этого Майгеля. Он несколько раз попадался ей в театрах Москвы и в ресторанах. «Позвольте... — подумала Маргарита. — Он, стало быть, что ли, тоже умер?» Но дело тут же разъяснилось.

— Милый барон, — продолжал Воланд, радостно улыбаясь, — был так очарователен, что, узнав о моем приезде в Москву, тотчас позвонил ко мне, предлагая свои услуги по своей специальности, то есть по ознакомлению с достопримечательностями. Само собою разумеется, что я был счастлив пригласить его к себе.

В это время Маргарита видела, как Азazelло передал блюдо с черепом Коровьеву.

— Да, кстати, барон, — вдруг интимно понизив голос, проговорил Воланд, — разнеслись слухи о чрезвычайной вашей любознательности. Говорят, что она, в сочетании с вашей не менее развитой разговорчивостью, стала привлекать всеобщее внимание. Более того, злые языки уже уронили слово — наушник и шпион. И еще более того, есть предположение, что это приведет вас к печальному концу не далее, чем че-

рез месяц. Так вот, чтобы избавить вас от этого томительно-го ожидания, мы решили прийти к вам на помощь, воспользовавшись тем обстоятельством, что вы напросились ко мне в гости именно с целью подсмотреть и подслушать все, что можно.

Барон стал бледнее, чем Абадонна, который был исключительно бледен по своей природе, а затем произошло что-то странное. Абадонна оказался перед бароном и на секунду снял свои очки. В тот же момент что-то сверкнуло в руках Азазелло, что-то негромко хлопнуло как в ладоши, барон стал падать навзничь, алая кровь брызнула у него из груди и залила крахмальную рубашку и жилет. Коровьев подставил чашу под бьющуюся струю и передал наполнившуюся чашу Воланду. Безжизненное тело барона в это время уже было на полу.

– Я пью ваше здоровье, господа, – негромко сказал Воланд и, подняв чашу, прикоснулся к ней губами.

Тогда произошла метаморфоза. Исчезла заплатанная рубашка и стоптанные туфли. Воланд оказался в какой-то черной хламиде со стальной шпагой на бедре. Он быстро приблизился к Маргарите, поднес ей чашу и повелительно сказал:

– Пей!

У Маргариты закружилась голова, ее шатнуло, но чаша оказалась уже у ее губ, и чьи-то голоса, а чьи – она не разобрала, шепнули в оба уха:

– Не бойтесь, королева... Не бойтесь, королева, кровь дав-

но ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья.

Маргарита, не раскрывая глаз, сделала глоток, и сладкий ток пробежал по ее жилам, в ушах начался звон. Ей показалось, что кричат оглушительные петухи, что где-то играют марш. Толпы гостей стали терять свой облик. И фрачники, и женщины распались в прах. Тление на глазах Маргариты охватило зал, над ним потек запах склепа. Колонны распались, угасли огни, все съезжилось, и не стало никаких фонтанов, тюльпанов и камелий. А просто было, что было – скромная гостиная ювелирши, и из приоткрытой в нее двери выпадала полоска света. И в эту приоткрытую дверь и вошла Маргарита».

Отложив книгу, Сомов закрыл глаза и начал заново вспоминать только что прочитанный текст, анализировать его. Ему было важно разобраться в тех событиях, что перемежались с глубокими философскими размышлениями.

«Как всё же интересно устроена человеческая жизнь, – размышляя, подумал он, – жизнь, где сплетаются мистическая и любовная истории...»

До этого, несколькими главами ранее, он помнил, что героиня приняла приглашение Азazelло «прийти в гости к одному знатному иностранцу». И не просто прийти, а стать королевой на балу Сатаны, потому что она принадлежит к древнему королевскому роду. Её омывают кровью, натирают кремом, розовым маслом, надевают на неё туфли из роз,

корону и медальон с изображением пуделя, подаренным ей «уличным сводником», и всё это она делает ради одного – чтобы узнать от Сатаны о судьбе своего любимого – Мастера.

«Очень хорошо, можно сказать, театрально, – размышляя, подумал Сомов, – Булгаков представил гостей этого бала, среди которых были фальшивомонетчики, государственные изменники, алхимики-отравители, убийцы, предатели и прочая «элита» общества. Всё это сообщество мне кого-то напоминает... Чего только стоит образ госпожи Тофан: зарабатывая себе на жизнь, эта дамочка продавала молодым женщинам пузырьки с ядом, чтобы те травили своих мужей ради свободы... О многом заставляет задуматься и образ молодой женщины – детоубийцы Фриды. Расплачиваясь вечными мучениями и страданиями, она молит только об одном: чтобы её простили.

Зная о том, кто эти люди на этом балу, Воланд демонстрирует перед гостями свою силу. Кубком для Сатаны служит голова Берлиоза, украденная из гроба Бегемотом. Вместо вина этот кубок наполняется кровью убитого барона Майгеля, служащего зрелищной комиссии и по совместительству шпиона. После выпитой крови Воланд неожиданно преобразается... Этим самым автор говорит о том, что дьявол полон сил и величия, пока есть грешники.

Узнав историю Фриды, Маргарита тратит заветное желание не для того, чтобы найти мастера, а для того, чтобы избавить грешницу от мук. Воланд ценит поступок Маргариты

и за её милосердие возвращает её мастера...»

Сомов и дальше бы развивал свою мысль относительно героев этой главы, но он услышал слабый стук в дверь.

– Не помешаю? – входя в кабинет, спросила Рита.

– Нет, нет, не помешаешь, – повернувшись к жене, сказал Егор. – Мои мысли не только о работе, но и о тебе...

– Неужели? А я думала, что Булгаков...

Не дав Рите выразить свою мысль, Егор встал и, обняв жену, сказал:

– Ты самая лучшая на свете! Ты даже не представляешь, как я люблю тебя... Не было ни одной минуты, чтобы я не думал о тебе...

Присев на диван, Егор продолжал говорить, а Рита, не слыша его слов, думала не только об уважении к этому человеку, но и о чувствах; о том, что с этим человеком ей легко и нестеснительно, опровергая, тем самым, многие житейские истины, что семейная жизнь скучна, неприятна и несносна, и что жизнь двух людей – это всего лишь обман самих себя, но это вовсе не так...

– О чём ты сейчас думаешь? – глядя на жену, неожиданно спросил Егор.

Приподняв голову и посмотрев на мужа, Рита спокойно сказала:

– Я думаю о нас, о том, что мне очень хорошо с тобой.

– Если это так, – шутливо сказал Егор, – то ты выше общепринятых законов и прочих предрассудков, касающихся

мужчин.

– Да что ты говоришь! – мило улыбнувшись, сказала Рита.

– Я думаю, что твои умозаключения многие женщины сейчас бы высмеяли и подвергли жесточайшей критике, – с некой иронией, сказал Егор.

– Почему? – с неподражаемым достоинством спросила Рита.

– Хотя бы потому, что все женщины считают, что мужчины не способны любить, сочувствовать душевным страданиям, что они такие-сякие, и что их волнуют только естественные желания.

– Знаешь, так могут говорить только те женщины, которые не встретили ещё своего мужчину, а я встретила и от этого очень счастлива.

После слов жены Егор подумал: «Не каждая женщина может позволить себе с уверенностью сказать, что она любима».

– И потом, извини, – неожиданно сказала Рита, – то же самое я могу сказать и про мужчин: что только они не говорят про нас, женщин: «Женившись, ты превращаешься в тупицу», – говорят одни; «Женившись, ты будешь смешон», – говорят другие; «Женившись, ты будешь одурачен...» И ещё очень многое, что... Что, не так, скажешь?

– Конечно, так, милая!

Сказав эти слова, Егор подвинулся ближе к жене и, нежно поцеловав, сказал:

– Что касается меня, то пусть я буду «одурачен», но я всё равно люблю тебя...

Рита посмотрела на мужа и, ничего не сказав, крепко прижала его к груди, выразив тем самым нечто большее, чем можно сказать словами. Отвечая взаимностью, Егор также обнял жену и, слушая, как бьётся её сердце, спросил:

– Ярослав спит?

– Нет, читает, – глядя мужа по голове, ответила Рита. – Через полчаса, думаю, заснёт.

– Я очень соскучился по тебе...

Улыбнувшись и ничего не сказав, Рита лишь крепче прижалась к мужу.

В какой-то момент она спросила:

– Сильно устали?

– Да как тебе сказать: нагрузка была, конечно, но не такая, чтобы охать и ахать от усталости.

– А Ярослав как себя вёл?

– А что Ярослав? – отстранив голову от жены, неожиданно спросил Егор. – Он у нас вполне самостоятельный мальчишка. Всю дорогу поражал меня своими вопросами.

– Как интересно! И какими же?

– К примеру, вчера, перед сном, он спросил меня: «Папа, а Бог может ошибаться?» Представляешь?

– М-да... и что ты ему ответил?

– Если честно, то я был в замешательстве... Конечно, я высказал ему свою точку зрения, но вопрос, как ты понима-

ешь, очень сложный. Короче, скучно мне с ним не было.

– Как ему Энергодар, его жители?

– Ты знаешь, вёл он себя достаточно спокойно, а вот люди...

– Что люди?

– Ему не понравились.

– Почему?

– Лучше будет, если этот вопрос ты задашь ему сама.

– Хорошо.

– Единственное, что я могу сказать, так это то, что, тонко чувствуя те или иные обстоятельства, ребёнок не всегда может правильно выразить свою мысль.

– Ну да, согласна.

– Мне очень важно было, чтобы он встретился и пообщался со своим братом – Александром.

– Ну и как, пообщались?

– Да, мы встречались.

После этих слов Егор замолчал, сурово нахмутив брови. С каждой секундой его лицо менялось, приобретая слабые и усталые черты. Видя такое лицо мужа, Рита спросила:

– Что-то было не так?

– Да как тебе сказать: они, конечно, пообщались, но, как мне показалось, они очень разные. Во всяком случае, Ярославу меньше всего хотелось этого общения. Дай мне тоже, если честно, поскольку сын уже не тот, каким я его знал раньше... Давай лучше поговорим о чём-нибудь хорошем. Ска-

жи, лучше, как дела у Николая?

– Он сейчас в очередной командировке, – тут же ответила Рита.

– Где на этот раз?

– Там же, где был, – в Сирии.

– Ясно. Когда вернётся?

– Не знаю. Вроде как месяца через полтора, но это не точно...

– Понятно. Мне никто не звонил?

– Да вроде нет.

– Знаешь, я уже тебе говорил, но мне хочется сказать ещё раз: как всё же хорошо, что мы уехали с Украины! Как же быстро там всё меняется... Причём, не в лучшую сторону. В этот раз, впервые, мне хотелось оттуда уехать, и как можно быстрее...

– Почему?

– Да как-то не по себе мне там было... Я тебе сегодня уже говорил, что встречался с Андреем Тарасенко...

– Да, я помню. И что?

– Так вот, он мне сказал, что на Запорожской АЭС полно американцев. Он даже познакомил меня с одним таким специалистом.

– Специалистом? – глядя на мужа, с нескрываемым любопытством спросила Рита.

– Да. Во всяком случае, он сказал, что является инспектором МАГАТЭ. А уж кто он на самом деле, бог его знает.

– И что он тебе сказал?

– Да ничего. Пожал мне руку и назвал своё имя – вот, пожалуйста, и всё.

– И как его зовут?

– Майкл. Полненький такой... с серо-голубыми глазами. Как сейчас помню его взгляд и слова, произнесённые на ломаном русском языке: «Мы работать безопасность. Я работать эксперт МАГАТЭ». Я вроде не задавал ему никаких вопросов, а он тут же сказал мне, кто он и для чего находится на станции. Странно как-то.

– В этом нет ничего странного: он увидел в тебе специалиста, можно сказать, коллегу.

– Ну да. Согласен.

– Что он ещё говорил?

– Спрашивал, как мои дела.

– И что ты ему сказал?

– Сказал, что всё хорошо! Что я могу ещё сказать. Если честно, особого желания беседовать с ним у меня не было. Извинившись, я ушёл, а в голове одни вопросы...

– И что тебя напугало? То, что американские специалисты на Запорожской АЭС?

– Да нет, конечно, меня пугает другое.

– Что именно?

– То, что они ведут себя на Украине как хозяева.

– Не удивительно... Это говорит о том, что они не только используют, но и реализуют на территории Украины свои

политтехнологические проекты. И направлены они, к сожалению, против России – вот что меня беспокоит больше всего.

– Ну и что ты расстраиваешься? Это ведь дело украинцев...

– В том-то и дело, что не украинцев. Ты лучше меня знаешь историю этого народа.

– И что?

– А то, что они считают, что управлять государством так же легко, как вскопать огород после пляшки горилки.

– Сам придумал?

– Да куда мне. Эти слова сказал, в своё время, Деникин. Ох, как же не любил он этих украинцев...

– Не знаю, может, Деникин и был прав, – сказала Рита, – но мне кажется, всё будет нормально. Украинцы, конечно, воинственный народ, но не настолько, чтобы спровоцировать конфликт с Россией.

– Вот поэтому они и обратились к сильным мира сего.

– Не понимаю, что тебе далась эта Украина?

– Да я сам не знаю, просто всё идёт не так, как бы хотелось.

– Егор, мы же один народ.

– Один, да не один. Украине эта война не нужна, тут ты права, но она нужна Америке. Понимаешь?

– А ей зачем?

– Затем, чтобы ослабить Россию, спровоцировать конфликт между двумя славянскими народами. Они же спят и

во сне видят, как расчленишь Россию на мелкие кусочки. Их хлебом не корми, лишь бы сеять ссоры по всему миру.

– Мы уже говорили с тобой на эту тему... Холодная война закончилась, делить вроде нечего.

– Всё так, но ты плохо знаешь американцев и европейцев с их аппетитами; впрочем, я тоже их не знаю, но после выступления Путина в Германии, я думаю, ситуация сильно изменится. И, причём, не в нашу пользу. Кстати, ты читала его выступление?

– Смотрела по телевидению.

– И что ты можешь сказать?

Немного подумав, Рита сказала:

– У меня сложилось такое впечатление, что я посмотрела театральную постановку в исполнении одного актёра. Действие, конечно, было не слишком разнообразным, но монолог был хорош! Да и присутствующие в зале главы государств, бизнесмены и дипломаты прекрасно сыграли роль зрителей.

– И чем же тебе понравился монолог?

– Ты знаешь, простотой! Имел ли он успех у публики? Наверное, нет.

– Почему?

– Потому что он был искренен и правдив, а правда, как ты знаешь, всегда вызывает мало интереса и редко достигает успеха, потому что она разит противника.

– То есть, ты хочешь сказать, что выступление...

– Я ничего не хочу говорить, просто с этой «правдой» далеко не уйдёшь. И вообще, всё это похоже на какую-то авантюру... Одним словом, поживём – увидим. Сегодня ничему нельзя удивляться, столько всего, что голова кругом. Мне иногда кажется, что всё это какой-то сон.

– Да, согласен. Поверить во всё то, что происходит в наше время, очень сложно. Причём, с каждым днём эти события усугубляются, становясь не просто какими-то фантастическими домыслами, а реальностью. Причём, об этом говорим не только мы, но и европейские и американские политики.

– И что они говорят?

– Они говорят, причём, в один голос, что Ельцин – это казус! Путин же, в отличие от него, – непреодолимая сила.

– Даже так!

– Да, Путина они боятся, поскольку не знают того «ключа», с помощью которого смогли бы его «открыть». Поэтому они все говорят в один голос: «У русских есть дурная привычка: они делают то, о чём думают. А думают они – вместе с Путиным – о том, чтобы забрать у нас обратно всё то, что мы у них взяли. А взяли мы у них, как известно, очень много. Чтобы этого не случилось, нам нужна защита. И этой защитой будет Украина».

– Не знаю, не знаю. Ты можешь говорить мне всё что угодно, но воевать с Россией Украина никогда не будет.

– Это почему же?

– Да потому что там больше половины населения – русские. Это же гражданская война...

– Американцы этого и хотят. Ты посмотри, как они пичкают эту страну оружием, везут и везут со всего мира... разве это не аргумент?

– Ну и что везут? На то оно и оружие, чтобы его продавать. Да нет, Егор, я не думаю, что это возможно.

– Возможно, Рита, ещё как возможно. Пообещают Украине вступление в НАТО, Евросоюз, и попрёт «незалежная» на своих братьев-славян. За такие «обещалки» украинцы на кого угодно попрут, даже на мать родную. Они же не мыслят себя украинцами, пока не станут европейцами. И потом, ты же хорошо знаешь, в стране, где нет достойной интеллигенции, своей культурной отдельности, народ можно повести куда угодно, даже в пропасть.

В какой-то момент Рита встала и вышла из кабинета. Но не прошло и минуты, как она зашла и сказала:

– Всё, уснул наш путешественник, даже похрапывает.

– Нам тоже пора, а то что-то мы разговорились с тобой, – тихо, почти шёпотом, сказал Егор. – Хватит этих бесполезных разговоров...

Глядя в глаза Риты, в очертания её прелестных губ, Егор встал и поцеловал жену. Уловив её дыхание, он почувствовал не только прилив сил и бодрости, но и некое спокойствие, исходящее от неё, манящее своим светом, нравственную чистоту... И это были для него не просто красивые сло-

ва, а нечто большее, то, что мужчины называют уверенностью. Уверенность в том, что эта женщина не озлобится и не предаст, не бросит его в трудную минуту. От этого радостного осознания его чувства наполнились не только ещё большей любовью, но и страстью; будто из его сердца струились все сокровища любви, волнуя не только душу, но и кровь. В эти минуты он не только чувствовал Риту, но и растворялся в ней всем своим существом. Прекрасно понимая, что таких женщин посылает только Бог, он всячески старался скрыть свои эмоции, но это у него плохо получалось. Во всяком случае, всё в нём говорило о том, что обладать таким сокровищем – не только большое счастье, но и большая ответственность. И эта мысль, без всякого преувеличения, воодушевляла его в это ночное время к ещё большей любви...

Глава VIII

В битве, как правило, победу выигрывает не тот, кто принимает советы других, а тот, кто, предвидя возможные проблемы, принимает не только решения, но и берёт всю ответственность на себя.

Мюнхенская речь, произнесённая 10 февраля 2007 года президентом России Владимиром Путиным, заставила многих мировых политиков по-новому взглянуть на происходящие мировые процессы. В своём выступлении российский лидер дал понять всему глобальному миру, что Россия настроена не только против демонизирования России, но и против двойных стандартов Запада, против его идеологических стереотипов и шаблонов блокового мышления.

Его слова понравились не всем западным геополитикам... Большинство из них выразило своё негодование не на то, что он сказал, а на то, что он позволил себе это сказать. Речь Путина оказалась для них громом среди бела дня; своеобразным холодным душем, а кто-то и вовсе счёл, что Западу брошена перчатка. И это при том, что Путина считали западным ставленником, человеком, который должен говорить по тексту, написанному спичрайтерами из «вашингтонского обкома». Но произошло то, что произошло. Участники натовского междусобойчика, чей благостный характер не против различных политических дискуссий, а порой даже и разногла-

сий, вдруг стали полем одних и тех же мыслей, которые сводились к одному: «Москва, после чудовищного поражения в холодной войне, вновь заговорила с позиции силы. Жаль, что мы не прикончили её сразу».

Слушая на конференции Путина, они не только скрежещали зубами, но и, неодобрительно подняв брови, до синевы сжимали губы, думая только об одном: скорей бы он закончил, чтобы их догмы не были окончательно приговорены к смерти. Многие из сидящих в зале сравнивали выступление Путина с Фултонской речью Черчилля, провозгласившего холодную войну. Ближе всех к такому «мысленному сравнению» оказался сенатор США от Демократической партии Джозеф Либерман, сказав себе, что речь Путина провокационна и сильно отдаёт духом холодной войны.

Генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер так же скрежетал зубами, размышляя над словами Путина, заявившего о том, что расширение альянса является «серьезным фактором, провоцирующим снижение взаимного доверия». От слов, произнесённых Путиным, многие геополитики прятали глаза, чтобы не выдать свои эмоции... Но это было лишь началом.

На следующий день британская The Times в статье «Ледяная критика со стороны Путина» написала о том, что Путин в чрезвычайно грубых и недипломатичных выражениях заявил, что США «перешагнули свои национальные границы во всех сферах, спровоцировали новую гонку ядерных во-

оружий и агрессивной политикой дестабилизировали ситуацию на Ближнем Востоке. Это было не просто выступление, а откровенная критика проступков администрации Буша». На английском языке это означало, что тот, кто это сказал, приговаривался к смерти. Комментируя выступление президента Путина, газета указала на то, что последний раз международное сообщество сталкивалось с подобной агрессией со стороны московского лидера в 1960 году, когда Никита Хрущев стучал ботинком по столу на заседании ООН.

«Если Путин намеревался своей речью углубить раскол в НАТО, – написала британская «Файнэншл таймс», – то его выступление привело к противоположному эффекту. Впервые, почти за десятилетие, высокопоставленные политики, дипломаты и министры обороны двадцати шести стран НАТО сумели сомкнуть ряды перед лицом общего критика. Появление старого доброго русского пугала, с которым можно бороться, принесло облегчение».

Немецкая информационная газета Die Welt написала, что на мюнхенской конференции по безопасности был один момент во время выступления Владимира Путина, когда мотивы его обличительных речей в адрес США стали почти очевидными. «Кому это понравится?» – тихо, с задумчивым выражением лица, спросил президент Путин после того, как обвинил Вашингтон в том, что тот перешел границы во всех отношениях, навязывая при этом свою правовую систему другим государствам.

Многотиражная газета Der Tagesspiegel написала, что на мюнхенской конференции Путин сорвал с глаз Запада повязку, которая постоянно мешает ему воспринимать Россию такой, какая она есть на самом деле. Россия – вновь окрепшая великая держава, которая использует относительную внутреннюю стабильность и рекордные цены на нефть и газ для внешнеполитического наступления.

Своё мнение высказала и французская газета Liberation, указав на то, что «Путин пытается сделать из России великую державу, что приведёт к столкновению с великим американским жандармом».

Итальянская газета La Stampa в статье «Путин объявил холодную войну Америке» написала о том, что в Мюнхене было произнесено слово «конец» в отношении нормализации после завершения холодной войны.

Американская газета The New York Times сообщила, что новый министр обороны США Роберт Гейтс возражает против критики Путина в адрес США. «Одной холодной войны было вполне достаточно. России не следует бояться продвижения НАТО к её границам, поскольку это «продвижение демократических стран», – заявил Гейтс.

Более того, по словам Гейтса, речь российского президента на конференции навеяла ему воспоминания о прошлом. «Вчера выступал один из бывших бойцов холодной войны, который почти пробудил во мне ностальгию по тем временам. Все старые шпионы говорят напрямую, я тоже был шпи-

оном, но потом меня направили на переподготовку, – пошутил шеф Пентагона. И продолжил: – Россия – наш партнер во многих начинаниях, но у нас тоже вызывают удивление некоторые политические решения России, которые противоречат интересам международной стабильности, в частности передача оружия и использование энергетических ресурсов в качестве инструментов политического давления».

Защищая непомерные расходы на оборону, Гейтс прибег к анализу деятельности нынешнего президента России Владимира Путина. Он считает, что своим заявлением Путин стремится вернуть России статус великой державы. Более того, Путин «пытается возродить национальную гордость, чем пользуется большой популярностью у народа», – заявил Гейтс.

Присутствующий на конференции один из вероятных кандидатов от Республиканской партии на пост президента Джон Маккейн назвал речь Путина «самым агрессивным выступлением лидера России с окончания холодной войны».

The Washington Post в статье «На форуме Путин разнёс американскую политику» написала, что Путин подверг, вероятно, самой острой критике США с момента своего прихода к власти семь лет назад. В частности, вашингтонская газета цитирует заявление российского лидера о том, что милитаристский подход Вашингтона сделал мир более опасным, чем во времена холодной войны.

Что ж, каждый политик ощущает движение времени по

своим приметам. Путин, выступая на мюнхенской конференции, ощущал это время по-своему. Для этого у него были как свои признаки, так и общие. Он видел, что меняются не только события, но и люди. Былое горе забывается и переходит в новую надежду, где благо народа становится высшим законом.

Слушая Путина, геополитики думали о другом. О том, что Россия уже повержена, а перед ними стоит какой-то маленький человечек и пытается их, мировых геополитиков, остановить от важного, заключительного момента – полной и окончательной победы над Россией. Страной, которая давно уже поделена между мировыми корпорациями – для полной и завершающей победы, которая откроет им новую реальность – владычество над миром!

Глава IX

Спустя две недели после проведения 54-й международной конференции по безопасности в Вашингтоне в зале ситуационной комнаты Белого дома состоялось закрытое совещание, на котором присутствовали: президент США Джордж Буш (младший), советник по национальной безопасности Стивен Хэдли, государственный секретарь Кондолиза Райс; министр обороны Роберт Гейтс, директор Центрального разведывательного управления (ЦРУ) Майкл Винсент Хайден, вице-президент Ричард Брюс (Дик) Чейни и другие члены администрации Белого дома и Кабинета министров. В числе приглашённых был один из ведущих идеологов внешней политики США, автор глобальной стратегии антикоммунизма, американский политолог, социолог и государственный деятель Збигнев Бжезинский.

Хорошо изучив выступление Путина, администрация Белого дома не могла найти себе места от тех слов, которые услышала. Такого оскорбительного демарша против американской цивилизации никто и никогда себе ещё не позволял в современном мире. Этих слов американская администрация могла бы и не заметить, если бы это сказал какой-нибудь государственный деятель крупнейшей державы или, на худой конец, какой-нибудь здоровяк под два метра ростом и весом не менее ста килограммов. Но это сказал малень-

кий, невзрачный человек из полуколониальной страны, который, как они считали, в мировой политике – никто, и звать его – никак. О нём знают лишь то (да и то немногие), что при Советском Союзе он был шпионом, занимавшимся секретной исследовательской работой. Одним словом, подобное оскорбление США перенести не могли.

Открывая совещание, Джордж Буш, не нарушая правила, установленные «отцами-основателями» США, утверждавшими в своё время, что государственное устройство Америки и сопутствующий ему образ жизни – самые идеальные во всей писаной и неписаной истории человечества, сказал: «Сегодня основополагающие принципы в международной системе сопоставимы с американским могуществом. «Предопределённая судьба»⁵ Америки, которой предназначено нести знамя свободы по всему цивилизованному миру, сможет трансформировать любую страну, населённую любым народом, во что-то похожее на неё саму. Неважно, будет она дальней или ближней, но если она будет для нас полезна для увеличения коммерческих выгод, то такая страна будет нами покорена и превращена в колонию. Для этого у нас есть не только военное и технологическое превосходство, господствующая валюта, но и самая разветвлённая по всему миру сеть альянсов и партнёров. Соединённые Штаты Америки

⁵ Теория «Предопределённой судьбы», автором которой является американский публицист немецкого происхождения Карл Шурц (02.03.1829–05.16.1906), опубликованная в журнале «Харпере уикли» в октябре 1893 года, оправдывает право США доминировать над любой частью мира.

имеют превосходство над всеми остальными странами и народами. Вот уже много лет никто и никогда не имеет права посягать на изменение этого превосходства, поскольку американский образ правления – лучшая надежда мира. И это не философская абстракция, а реальная политическая действительность. Кто не с нами – тот против нас», – сказал президент, процитировав известную сентенцию.

Затем Джордж Буш продолжил свою речь в пользу однополярного мира словами президента Эндрю Джексона, сказавшего в своё время, что «глаза всего мира устремлены на США. Ибо эта страна увенчана триумфом свободы и закона». В своём дальнейшем выступлении Буш не забыл упомянуть и слова Франклина Рузвельта, сказавшего ещё в 1945 году: «Бог даровал нашей стране веру, которая стала надеждой всех народов истерзанного мира». Вслед за Рузвельтом Буш упомянул слова Гарри Трумэна о том, что «народы мира как никогда раньше обращаются к Соединённым Штатам за доброй волей, силой и мудрым руководством. Так было, так есть и так будет всегда, – сказал он. – Мы не допустим того, о чём говорил Путин. В России должны знать, что в этом мире страны самостоятельно выбирают собственные пути развития, ускоряя не только технологические процессы, но и придавая новое качество жизни всему человечеству. Две недели назад мы стали свидетелями беспрецедентного случая, когда президент России Путин осмелился высказать свои мысли против наших национальных истин, по-

сгннув тем самым на нашу безопасность. Мы должны ответить Путину на этот политический вызов всеми имеющимися средствами, усилив, тем самым, не только процесс дезинтеграции в этой стране, но и создавая экономические и социальные проблемы. Мы не должны допустить попыток российской имперской реконструкции, а уж тем более перечить Америке. Мы сокрушили классового врага – Советский Союз. Мы сокрушим и Россию. США были, есть и будут всегда глобальным лидером.

Лидерство для нашей нации – это не только вопрос характера и интеллекта, это ещё вопрос организации однополярного мира, которым мы управляем и будем управлять. Другого мира для нас не существует, кто бы и что бы по этому поводу ни говорил. Несмотря на любые ревизионистские высказывания Путина, Америка и дальше будет укреплять веру американского народа в силу и лидерство в мире. Мы как наращивали, так и будем наращивать дальше военную мощь, которая изменила мир в нашу пользу. Благодаря силе оружия наша страна одна из наилучших из когда-либо существовавших общественных систем. Я призываю все страны объединиться с силами США для продвижения общего видения мира. Что касается России, то, несмотря на «сложный и непредсказуемый» характер отношений между двумя странами, мы должны находить взаимопонимание для решения проблем. При этом Владимир Путин должен знать, что Америка имеет право ради торжества и свободы распространять

своё влияние по всему миру, там, где американцы считают нужным», – заключил он.

Затем слово было предоставлено директору ЦРУ Майклу Винсенту Хайдену.

«В текущей непростой ситуации, – спокойно, без всяких эмоций, начал говорить Хайден, – было бы настоящей глупостью не заметить выступление президента России Владимира Путина. Его слова об однополярном мире, о том, что такая модель не только неприемлема, но и вообще невозможна, так как в её основе, как он сказал, «нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации», конечно, ошибочны, поскольку нарушают наш образ жизни. Перефразируя слова лорда Эктона, можно сказать, что, лишаясь однополярности, Америка лишается самого главного – невинности. Этого, господа, мы не можем допустить, ибо никто и ничто не может сегодня сравниться с Америкой. Она обладает не только экономической, политической и военной силой, но и является оплотом высочайших технологий и культуры. Подобная концентрация жизненной силы говорит о том, что американская нация – самая исключительная. В ней присутствует не только скрещение исторических путей, биологические свойства и психологические черты, но также – воля и устремления. И мы не позволим никому думать об американском сообществе по-другому, как и не позволим никому создавать многополярный мир. Сегодня существует только

один центр власти, один центр силы, один центр принятия решений – это США! И это правило неизменно для всего мира.

А сейчас, господа, я позволю себе сказать по существу.

Победив Советский Союз в период холодной войны, нам следует выстроить жёсткую политику и по отношению к России. Для этого нам необходимо вызвать коренные изменения в самом характере российской системы. В данном случае речь идёт о срыве всех замыслов Кремля относительно государственной самостоятельности. Вы знаете, что с приходом Путина к власти политическая власть в России полностью слилась с экономическим влиянием. Окружающие Путина люди из мира бизнеса начали реализовывать уникальный эксперимент под названием «государственный капитализм», где закон и право не значат ровным счётом ничего. Ими уничтожено всё, что мы наработали в период правления Ельцина. Гражданское общество нейтрализовано. Любая общественная организация, получающая финансовую поддержку от наших демократических институтов и организаций, тут же выявляется и проверяется соответствующими структурами, не суля демократии ничего хорошего. Все СМИ повержены и находятся под давлением власти Путина. Путин игнорирует внешний мир. К примеру, постановления Европейского суда по правам человека Москва больше не принимает во внимание. Что вызывает наибольшее опасение, так это то, что российские компании скупают в Великобритании и

Америке не только имущество, но и рынки капитала. Эта деятельность угрожает нашей национальной безопасности.

Таким образом, господа, как вы видите, нам нужно заново браться за работу с помощью подрывных средств. Говоря о «средствах», я хочу сказать, что это не только американское оружие всех спектров, но и мастера диверсий, военные инструкторы, специалисты по противопартизанской войне, знатоки всех форм террора. Я считаю, что этот испытанный метод, уничтоживший Советский Союз, наиболее удачен не только на территории России, но и на территориях окружающих её государств. Единственное, чем мы хотим дополнить этот метод, так это радикализацией ультралиберализма. Под видом демократических идей и прав человека мы должны интерпретировать не только свободу личности, но и право убивать, минуя все моральные нормы и семейные ценности. Главную роль в этой части мы намерены отвести Украине. Для этого совместно с нашими украинскими друзьями и британской группой Mi-6 с её третьим отделом, созданным ещё в 20-е годы прошлого века для противостояния СССР, подготовили план свержения законного правительства Украины. После чего мы будем готовы запустить проект «Анти-Россия». Этот проект будет включать не только секретные операции, использование PR-акций с навязыванием русским людям чуждых установок и ценностей, но и фабрикацию данных о России, ставя её тем самым на низкие места в разных рейтингах, невзирая на известные социальные

закономерности. Через украинский кризис, через возвращение в городах Украины нацистов мы сможем ужесточить не только психологическую деятельность по отношению к России, но и добиться, в дальнейшем, свержения российского правительства во главе с Путиным. Сейчас, как никогда, мы должны помнить слова директора ЦРУ А. Даллеса, сказанные им в последние дни Второй мировой войны: «Окончится война, кое-как всё утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем, всё золото, всю материальную помощь или ресурсы на оболванивание и одурачивание русских людей». Эти слова актуальны и сегодня. Человеческий мозг – как мы уже убедились в 90-е годы в борьбе с русскими – способен к изменению. Посеяв хаос в Советском Союзе и уничтожив его, мы сделаем то же самое в России, разыгрывая гибель самого непокорного на земле народа. Мы уже сегодня делаем всё возможное и невозможное, чтобы их литература, искусство, театр, кино, телевидение изображали самые низменные человеческие чувства.

Особую роль мы отводим уничтожению российского образования. Для этой цели мы задействуем для студентов широкую программу стипендий «Открытого общества» по демонизации России. Мы должны помнить, господа, что Россия страшна для нас не ракетами, а научными кадрами. Поэтому систему образования в России мы должны сделать отсталой, архаичной и не востребованной. Через подрастающее поколение мы должны создать в этом обществе культ

секса, насилия, предательства и непослушания. Для этого в управлении государством нам необходимо усилить работу по созданию хаоса и неразберихи. В российском правительстве, в министерствах – особенно в Министерстве культуры и Министерстве образования – у нас уже достаточно много своих людей, чтобы расшатывать поколение за поколением до полного расчленения России. В настоящий момент в России работают более ста тысяч агентов, подготовленных в США. Прикрываясь патриотическими лозунгами, они работают, как я уже сказал, всюду: в органах власти, в СМИ, в НИИ, в секретных КБ и т. д. Мы накинули на наших агентов влияния не только вожжи, ниточки и крюпочки, но и нечто другое, что не позволит им отстраниться от работы на благо Америки. С помощью этих людей мы вытравим у русских их фанатичный патриотизм, что позволит нам окончательно разрушить монолит этого общества.

Должен вам сказать, господа, что это не просто слова: мы уже ведем в этом направлении многие тайные операции... Для реализации этих грандиозных планов задействованы не только спецслужбы ЦРУ, ФБР, Департамента национальной разведки, Секретной службы, полиции, но и многие другие подразделения, – рядом с нами, плечом к плечу, стоят и спецслужбы многих европейских государств, с которыми мы активно сотрудничаем.

Но это ещё не всё.

На пути к новому мировому порядку мы предлагаем ис-

пользовать жителей Восточной Европы в качестве «расходного материала» в грядущей кровавой бойне, чтобы уменьшить количество смертей в западных странах. Страны Восточной Европы (бывшие партнёры Советского Союза) следуют всего лишь «прикормить», пообещав членство в Североатлантическом альянсе, и заставить выполнить «грязную работу». Их граждане будут умирать, но их кости послужат фундаментом «нового» однополярного мира. Иными словами, русский вопрос должен быть решен раз и навсегда, и лучше это сделать чужими руками, отбросив шелуху витиеватых выражений. Уничтожив Россию, свергнув власть Путина, мы продемонстрируем всему миру не только превосходство идеи свободы и демократии, но и воплотим мечту всех наших президентов, мечту всего американского народа».

После выступления директора ЦРУ слово было предоставлено министру обороны Роберту Гейтсу.

В начале своего выступления Гейтс отметил не только положительные стороны оборонного ведомства, но и сказал о существенных проблемах, существующих в министерстве. В частности, он отметил, что последние десять лет Министерство обороны и Комитет начальников штабов готовят вооружённые силы больше для политиков, чем для борьбы с Россией. «Сегодня, – сказал Роберт Гейтс, – нам нужна не просто доводка военной стратегии, которая опирается только на оборону и использование ядерных бомб, а новая доктрина,

которая бы носила характер «массированного возмездия». Такой доктриной может стать только усиление НАТО новыми членами. Я говорю это, – подчеркнул министр обороны, – вовсе не для того, чтобы посеять панику, а для того, чтобы позаботиться о сохранении «американского образа жизни». Вы прекрасно знаете, что с конца Второй мировой войны внешняя политика США была основана на преимуществе в технической сфере. Это происходило для того, чтобы обеспечить перевес в обычных вооружениях с целью превзойти противника в скорости и масштабе действий военных сил, поскольку все военные действия, как вы знаете, происходили не на территории Америки. Многие годы США не было равных в обычных видах вооружений. Это было золотое время для Америки и её вооружённых сил. Благодаря нашей военной технике у нас был беспрепятственный доступ к любой точке мира как по суше, так и по воздуху или по воде. Мы могли решать все проблемы с помощью отлично обученных солдат контрактной службы в области применения высокоточного оружия. Наши глобальные системы связи и управления были вне конкуренции, и им ничего не угрожало. Наши космические платформы, на которых основывались сети связи и управления, также гарантировали применение высокоточного оружия без существенного риска. Но сегодня происходят глобальные перемены. И мы не можем этого не признать. В результате этого происходит перекраивание границ, тех границ, что обеспечивали нам наше тех-

ническое превосходство, особенно в сфере высокоточного оружия и боевых информационных систем. Нам всё труднее сохранять лидирующие позиции в этой сфере. Такое положение дел обусловлено двумя факторами. Во-первых, за последние 14 лет политика США во многом концентрировалась вокруг военных действий на Ближнем Востоке. Во-вторых, военные расходы на оборону в последние годы резко снизились. Конгресс не считает нужным их повышать, полагая, что холодная война с СССР выиграна и врага больше не существует. Я думаю, что это ошибочное мнение. История говорит нам об обратном. Этому подтверждение – выступление Путина на мюнхенской конференции, где он заявил о том, что «Америка не выполняет договор о нерасширении НАТО и несоблюдении договоренностей, которые оказывают провоцирующий фактор на уровень взаимного доверия». О каких таких договорённостях говорил Путин, мы не знаем. Если они есть, пусть представит... Также он напомнил о заверениях, которые давали западные партнеры после роспуска Варшавского договора. Но и этих так называемых «заверений» не существует, поскольку их никто никогда не давал. В этом плане я могу сказать только одно: фантазиям русских нет предела. Я уверен, если бы Россия не разрабатывала последние годы новейшее оружие, то выступления Путина не было бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.